

ВЛАД ГЕНДЕЛЕВ

ПЛАМЯ
ЛАНГЕДОКА

КНИГА ВТОРАЯ
КОГДА ГОРИТ БЕЗЬЕ

Влад Генделев

**Пламя Лангедока. Книга
II Когда горит Безье**

«Автор»

2026

Генделев В.

Пламя Лангедока. Книга II Когда горит Безье / В. Генделев —
«Автор», 2026

После убийства папского легата война становится неизбежной. На Лангедок движется огромная армия крестоносцев, благословлённая Римом. Её цель — не только искоренить ересь, но и покорить богатый юг Франции. Молодой рыцарь Раймон де Мирпуа пытается предупредить правителей Лангедока о надвигающейся катастрофе. Выполняя опасные разведывательные миссии, раскрывая тайный заговор и вступая в смертельные поединки, он всё яснее понимает: война началась задолго до того, как первые рыцари подняли крестовые знамёна. Тем временем северное войско подходит к Безье. Впереди — осада, одна из самых кровавых страниц средневековой Европы и слова, навсегда вошедшие в историю: «Убивайте всех. Господь узнает своих.» «Когда горит Безье» — вторая книга исторической саги «Пламя Лангедока», где реальные события Альбигойского крестового похода переплетаются с детективной интригой, рыцарскими приключениями и историей любви, которой предстоит пройти через огонь войны.

© Генделев В., 2026

© Автор, 2026

Влад Генделев

Пламя Лангедока. Книга II Когда горит Безье

Пламя Лангедока.

Книга II
Когда горит Безье

«Ибо придет время, когда брат восстанет на брата, и каждый будет уверен, что служит Господу.»

Пролог
1209 год

Зима в Пикардии всегда казалась бесконечной.

Снег лежал на крышах Бове, на стенах старого собора, на голых виноградниках, укрывая землю белым покрывалом, словно Господь хотел скрыть от людей все следы прежних грехов. Только колокольный звон легко проникал сквозь холодный воздух, собирая жителей на утреннюю мессу.

Готье де Бове долго стоял на коленях.

Пальцы сжимали деревянный крест так сильно, что костяшки побелели.

Перед глазами вновь возникал тот же сон. Горящий дом. Крики женщины.

Мальчик, выбежавший из огня. И его собственный удар мечом.

Он никогда не рассказывал никому, что произошло тогда на самом деле.

Священник сказал лишь одно:

— Господь прощает каждого, кто искренне раскаивается.

Но годы проходили. А лица погибших не исчезали.

Когда после мессы архидиакон зачитал буллу папы Иннокентия III, в храме наступила тишина.

Святой отец объявлял крестовый поход против еретиков Лангедока.

Каждому, кто примет крест и отправится освобождать земли, обещалось полное отпущение грехов.

Эти слова ударили сильнее любого колокола. Полное отпущение.

Готье медленно поднял голову. Неужели Господь наконец открыл ему дорогу?

После службы площадь перед собором быстро заполнилась людьми.

Проповедники говорили громко, почти выкрикивая каждое слово.

Они рассказывали о земле, где отвергли истинную Церковь. О людях, поклоняющихся дьяволу. О священниках, которых еретики якобы сжигали заживо.

Толпа слушала, не перебивая.

Каждый рассказ становился страшнее предыдущего.

— Господь зовет вас! — гремел голос монаха. — Кто наденет крест, тот очистит свою душу!

Люди плакали. Некоторые падали на колени. Другие уже нашивали красные кресты на плащи.

Готье стоял неподвижно. Он не слышал последних слов проповеди.

Перед ним снова стоял мальчик из его сна.

Если Господь действительно дает человеку второй шанс...

...может ли рыцарь отказаться?

К вечеру решение было принято.

В оружейной отец молча наблюдал, как сын проверяет кольчугу. Старик давно понял.

— Значит, ты уходишь.

— Да.

— Ради славы?

— Нет.

— Ради земель?

— Нет.

— Тогда ради чего?

Готье долго молчал. Потом тихо ответил:

— Чтобы Господь однажды перестал показывать мне лица мертвых.

Отец подошел ближе. Он застегнул на сыне старый ремень с мечом, тем самым, который когда-то носил сам.

— Помни только одно.

Готье поднял глаза.

— Никогда не позволяй человеку убедить тебя, что Господь радуется чужой смерти.

Эти слова показались странными. Ведь все вокруг говорили совсем другое.

Через несколько дней Готье покидал Бове вместе с десятками других рыцарей.

На его белом плаще уже был вышит алый крест.

У городских ворот он обернулся.

Башни собора медленно исчезали в зимней дымке.

Он не знал, что видит родной город таким спокойным в последний раз.

Впереди лежала дорога длиной почти тысячу километров. Дорога, которая приведет его к стенам Безье. И к человеку, которого он однажды уже встретил на рыцарском турнире.

Раймон тоже запомнил тот поединок. Но тогда они сражались ради чести.

Теперь им предстояло встретиться там, где честь уже почти ничего не значила.

Глава I

Под знаком креста

«Кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мною».

— Евангелие от Матфея, 16:24

Колокола собора Святого Петра звонили с самого рассвета.

Их тяжелый гул плыл над крышами Бове, заглядывал в узкие улицы, ударялся о городские стены и уходил далеко в холодные поля Пикардии. Звон был не праздничным и не погребальным. Он звучал настойчиво, почти тревожно, словно город призывали не к молитве, а к оружию.

Готье де Бове услышал его еще во дворе родового дома.

Конюх водил под уздцы молодого жеребца, показывая его шаг. На влажных камнях звенели подковы. Из открытых дверей конюшни тянуло сеном, навозом и теплым лошадиным дыханием.

— Припадает на правую переднюю, — сказал Готье.

Конюх остановил коня.

— После зимы застоялся, мессир. Через неделю пройдет.

— Если пройдет само, значит, ты не нужен.

Старик поклонился, скрывая недовольство.

Готье присел и провел ладонью по сухожилию жеребца. Припухлости не было. Животное лишь нервничало, чувствуя непривычный звон и толпу, стекавшуюся к собору.

На Готье была темно-синяя шерстяная котта, стянутая кожаным поясом. Меч он оставил в доме: на проповедь шли как на богослужение, хотя почти каждый рыцарь считал неприличным появляться без оружия даже перед алтарем.

— Господин, — позвал Мартен.

Оруженосец стоял у ворот, держа плащ. Ему едва исполнилось шестнадцать. Худой, длиннорукий, он быстро вырос за зиму, и рукава старой одежды теперь не доходили до запястий.

— Люди уже идут на площадь. Говорят, проповедник прибыл от самого папы.

— В Бове все говорят от чьего-нибудь имени.

— Но этот привез грамоты с печатью.

Готье поднялся.

— Печать еще не делает человека праведником.

Мартен замялся.

— Вы не пойдете?

— Пойду.

В доме их ожидал отец.

Рауль де Бове сидел у очага в высоком кресле. Огонь почти погас, хотя утро было прохладным. Старик не любил тратить дрова после окончания зимы. На коленях лежал меховой плащ, а ноги были укрыты шерстяным покрывалом.

Когда-то Рауль считался одним из лучших копейщиков графства. Теперь левая рука плохо слушалась его после удара, а лицо казалось неподвижным, словно старость медленно превращала его в каменное изображение на гробнице.

— Собрался слушать, как монахи учат рыцарей воевать? — спросил он.

— Я собрался услышать, что произошло.

— Произошло убийство папского легата. Теперь из него сделают повод отправить на юг всех, кому тесно дома.

Готье взял со стола перчатки.

— Пьер де Кастельно был человеком Церкви.

— Именно поэтому его убийство стало не преступлением, а знаменем.

— Вы считаете, Рим должен промолчать?

— Рим никогда не молчит. Особенно когда может говорить чужими мечами.

Мартен опустил глаза, будто присутствовал при семейной ссоре.

Готье застегнул плащ.

— Я еще не принял решения.

— Решение уже приняли за тебя. Колокола звонят именно для этого.

Рауль посмотрел на сына.

— Сходи. Послушай. Только не путай громкий голос с истиной.

Улицы Бове были переполнены.

Ремесленники закрывали мастерские, торговцы покидали лавки. К собору шли люди из предместий: крестьяне в грубых капюшонах, женщины с детьми, монахи, нищие, купцы. Над головами покачивались копыя городской стражи.

Возле хлебных рядов пахло свежеспеченными лепешками. Торговка продавала горячий горох, разливая его деревянным черпаком. Рядом паломникам предлагали маленькие свинцовые кресты, хотя проповедь еще не началась.

— Быстро они приготовились, — заметил Готье.

— Кто? — спросил Мартен.

— Те, кто уже знает, на чем будет зарабатывать война.

Перед собором возвели деревянный помост.

Каменный храм возвышался над площадью незавершенной громадой. Строители продолжали расширять старую церковь, и рядом с резными порталами лежали блоки известняка, бревна и веревки. На лесах замерли каменщики. Даже они оставили работу ради проповеди.

На помосте стоял цистерцианский монах.

Белая ряса была подпоясана простой веревкой. Ни золота, ни драгоценных камней, ни знаков высокого сана. Только папская грамота в руках и красный крест, пришитый к плечу.

Рядом находились епископ, городской прево и несколько знатных сеньоров. Готье узнал графского наместника, двух баронов из окрестных земель и молодого Этьена де Монтрея, с которым не раз встречался на турнирах.

Этьен заметил его в толпе и протиснулся ближе.

— Я уже думал, ты испугался отпущения грехов.

— Оно тебе особенно необходимо?

— Чем больше грехов, тем выгоднее предложение.

Он улыбнулся, но Готье не ответил.

Епископ поднял руку.

Толпа затихала медленно. Последними замолчали торговцы у края площади.

Цистерцианец развернул грамоту.

— Братья и сестры во Христе! — начал он. — В землях, некогда освященных истинной верой, подняла голову древняя змея.

Голос у него оказался сильным. Он говорил без крика, но слова достигали дальних рядов.

— Люди, именующие себя совершенными, отвергают таинства, порочат священство, отказываются почитать крест Господень. Они называют мир творением зла, брак — грехом, а плоть — темницей. И многие властители юга не только терпят их, но дают им защиту.

По толпе прошел ропот.

Большинство собравшихся никогда не видели ни одного катара. Но слово «еретик» было знакомо каждому. Оно означало человека, отвернувшегося не только от Церкви, но и от правильного устройства мира.

Монах поднял грамоту.

— Святейший отец Иннокентий, преемник апостола Петра, призывает верных выступить на защиту Церкви. Всем, кто примет крест и исполнит обет, будет даровано отпущение грехов, подобное тому, которое получают паломники, идущие ко Гробу Господню.

Тишина стала глубже.

Готье почувствовал, как Мартен рядом перестал дышать.

— Дорога на юг короче пути в Иерусалим, — продолжал проповедник, — но служение не менее свято. Враг находится не за морем. Он поселился среди христиан, говорит на их языке, скрывается за их стенами и принимает их хлеб.

— А земли? — крикнул кто-то из толпы.

Несколько человек засмеялись.

Монах повернул голову.

— Земли тех, кто будет признан еретиком или покровителем ереси, могут быть переданы верным католикам, если так решит Церковь и законный суд.

Смех сразу прекратился.

Готье увидел, как Этьен приподнял бровь.

— Вот теперь его слышали по-настоящему, — прошептал он.

Проповедник говорил о смерти Пьера де Кастельно. О легате, убитом на берегу Роны. Об оскорблении, нанесенном всему христианскому миру. Имя графа Раймунда Тулузского не прозвучало как имя убийцы, но каждое слово подталкивало к этому выводу.

Готье вспомнил турнир несколькими годами раньше.

Пыльное поле, окруженное цветными шатрами. Раскаленный шлем. Треск копья. Южного рыцаря, которого толпа встречала насмешками из-за мягкого выговора и яркой одежды.

Раймунд мог добить поверженного соперника и взять его коня. Вместо этого спешился, помог раненому подняться и велел своему лекару перевязать ему плечо.

Тогда Готье впервые услышал, что южане слишком вежливы, слишком богаты и слишком терпимы к еретикам.

Теперь эти слова соединились в одно обвинение.

Проповедь закончилась молитвой.

На помост вынесли корзину с красными крестами из шерстяной ткани.

Первым поднялся графский наместник. Он преклонил колено, принес обет и позволил пришить крест к плащу. За ним пошли бароны, рыцари, сержанты и горожане.

Толпа качнулась вперед.

Некоторые плакали. Другие громко обещали исправить жизнь. Один мясник поднял руки и поклялся больше не обвешивать покупателей, если Господь вернет его домой.

Этьен коснулся плеча Готье.

— Идем.

— Ты уже решил?

— А что мне делать здесь? Старший брат получит землю. Младший — место в капитуле.

Мне останутся турниры, долги и надежда жениться на богатой вдове.

— Значит, ты идешь ради земли?

— Я иду ради того, что Господь сочтет достойным мне дать.

— Удобный ответ.

— Зато честный.

Этьен направился к помосту.

Мартен смотрел на Готье.

— Вы примете крест?

— Не знаю.

— А если все пойдут?

— Господь не считает людей головами.

Но площадь словно стягивалась вокруг него. Колокола снова зазвонили. Над толпой поднимались красные кресты. Женщины целовали мужей, матери благословляли сыновей.

Готье думал о своем отце.

О Пьере де Кастельно, лежавшем на берегу реки.

О южном рыцаре, который помог поверженному врагу.

О грехах, которые никто не мог снять с себя одним решением.

И все же, когда перед ним освободилось место, он шагнул вперед.

Монах положил ладонь ему на голову.

— Назови свое имя.

— Готье де Бове.

— Принимаешь ли ты крест добровольно?

Готье услышал звон колоколов, шум толпы и собственное дыхание.

— Принимаю.

Красный крест пришили к его синему плащу четырьмя крупными стежками.

Ткань была грубой. Один угол лег неровно.

Но, поднявшись, Готье почувствовал, будто изменилось не одеяние, а сам воздух вокруг него.

Люди расступались, пропуская крестоносца.

Некоторые касались его плаща. Старуха поцеловала край ткани и попросила помолиться за умершего сына. Мальчик протянул деревянный меч и спросил, много ли еретиков он убьет.

Готье не нашел ответа.

Домой он вернулся после полудня.

Рауль сидел там же, у погасшего очага.

Его взгляд сразу остановился на кресте.

— Значит, колокола победили.

— Я принес обет.

— Обеты приносят Господу. Но исполняют их люди, которые всегда объясняют, кого нужно убить.

Готье снял перчатки.

— Вы учили меня служить Церкви.

— Я учил тебя не лгать, не бить безоружного и защищать тех, кто слабее. Иногда Церковь требует того же. Иногда — нет.

— Вы хотите, чтобы я нарушил обет?

Рауль долго смотрел на сына.

— Нет. Нарушенный обет разрушает человека изнутри. Ты пойдешь.

Он с трудом поднялся.

Готье хотел помочь, но отец остановил его жестом.

Рауль подошел к сундуку и достал меч в потертых ножнах.

— Я носил его в Святой земле. Сталь дамаская, рукоять меняли в Акре.

Готье принял оружие.

— Вы никогда не разрешали мне даже брать его.

— Потому что до сегодняшнего дня у тебя был свой меч.

— А теперь?

— Теперь тебе нужен тот, который помнит, что священная война остается войной.

Рауль положил ладонь на плечо сына.

— Запомни одно, Готье. Никогда не позволяй человеку, даже если он стоит у алтаря, убедить тебя, будто Господу приятна чужая смерть.

Во дворе снова ударили колокола.

На улицах Бове продолжали раздавать красные кресты.

К вечеру их пришивали к плащам, коттам, дорожным сумам. Горожане запасали хлеб и солонину. Кузнецы принимали заказы на наконечники копий и кольчужные кольца. Купцы повышали цены на коней.

А в доме Рауля де Бове отец и сын стояли друг против друга, понимая, что прежняя жизнь уже закончилась.

До Лангедока было много недель пути.

Но война вошла в их дом в тот самый миг, когда красная ткань коснулась синего плаща.

Глава II

Последняя надежда

«Когда отнимется надежда человеческая, тогда испытывается крепость сердца».

— Из поучений святого Августина

В Тулузе цвели миндальные деревья.

Белые лепестки кружились над садами, оседали на красной черепице и плыли по мутной воде Гаронны. С юга тянуло теплым ветром, пахнущим влажной землей, дымом очагов и молодыми виноградными лозами. На рынках торговались из-за шафрана и сукна, лодочники

перекликались у пристаней, а на площади возле церкви Сен-Сернен играли двое странствующих музыкантов.

Город жил так, словно за его стенами не собирали войско.

Эсclarмонда въехала в Тулузу через северные ворота перед полуднем. Ее сопровождали Арно и шестеро всадников из Фуа. Кони тяжело переставляли ноги после долгой дороги, плащи путников покрылись пылью, а лица потемнели от солнца и бессонных ночей.

У ворот было тесно.

В город тянулись повозки с зерном, винными бочками и кожами. Стражники проверяли тюки, но делали это без обычной строгости. Один из них узнал Эсclarмонду и поспешно поклонился.

— Госпожа, граф ожидает вас.

— Давно?

Стражник замялся.

— С тех пор как пришло известие из Рима.

Эсclarмонда ничего не ответила.

Дорога к дворцу шла через кварталы ремесленников. В открытых мастерских стучали молотки, скрипели ткацкие станки. Красильщики развешивали над улицами длинные полотнища — синие, желтые, темно-красные. В тесных переулках пахло шерстью, горячим воском, чесноком и дубильной корой.

На одном перекрестке проповедовал монах.

Он стоял на перевернутой бочке, подняв над головой деревянный крест.

— Господь посылает испытание тем, кто укрывает врагов Его! — кричал он. — Покайтесь, пока не поздно!

Вокруг собралась толпа.

Одни слушали, другие спорили. Молодой сапожник выкрикнул, что Тулуза не нуждается в северных наставниках. Женщина потянула его за рукав, уговаривая замолчать.

Арно подъехал ближе к Эсclarмонде.

— Еще месяц назад его забросали бы гнилыми яблоками.

— Теперь люди боятся бросить первое.

— Вы думаете, они верят ему?

— Они верят в опасность. Пока этого достаточно.

У дворца их встретил сенешаль.

Он был одет в темную шерстяную котту без украшений. На лице лежала такая усталость, словно он несколько суток не покидал зала совета.

— Граф в малой палате, — сказал он. — С ним епископ и представители городских консулов.

— Значит, он хочет услышать меня при свидетелях.

— Или не хочет оставаться с вами наедине.

Арно усмехнулся, но Эсclarмонда лишь сняла дорожные перчатки.

В малой палате было душно.

Окна оставались закрытыми, хотя день выдался теплым. На столе горели свечи. Между подсвечниками лежали письма, свитки и восковые таблички. У стены стоял сундук с печатями.

Раймунд VI сидел во главе стола.

Эсclarмонда не видела его несколько месяцев и сразу заметила перемену. Граф похудел. Седины в волосах стало больше, а лицо приобрело землистый оттенок. На нем была простая темно-коричневая котта, поверх которой он носил короткий плащ с золотой застежкой.

Рядом сидел епископ Тулузы Фульк — бывший трубадур, ставший одним из самых непримиримых противников ереси. Его узкое лицо оставалось неподвижным, а пальцы перебирали серебряный крест на груди.

У дальней стороны стола расположились трое консулов.

— Вы прибыли быстро, — сказал Раймунд.

— Я выехала сразу после вашего письма.

— Тогда вы уже знаете.

— Знаю, что Иннокентий призвал северных баронов принять крест.

Фульк поднял глаза.

— Святейший отец призвал их защитить Церковь.

Эсclarмонда сняла плащ и передала его слуге.

— Защита обычно начинается после нападения.

— Пьер де Кастельно убит.

— Убийца не найден.

— Его покровители известны.

В комнате стало тише.

Раймунд медленно повернулся к епископу.

— Вы снова хотите произнести мое имя?

— Я хочу напомнить, что легат был убит после встречи с вами.

— И это делает меня убийцей?

— Это делает вас человеком, чьи слуги слишком часто поступают так, как выгодно их господину.

Граф положил ладонь на стол.

— Осторожнее, монсеньор.

— Осторожность и привела нас к нынешнему положению.

Эсclarмонда посмотрела на письма.

— Что требует Рим?

Раймунд протянул ей пергамент.

— Пока не требует. Обвиняет.

Она прочла несколько строк.

В письме говорилось о покаянии, очищении земель, изгнании еретиков и содействии тем, кто выступит под знаком креста. Имя графа Тулузского упоминалось так, словно приговор уже вынесли, но еще не объявили.

— Это не письмо, — сказала Эсclarмонда. — Это дверь, оставленная приоткрытой.

— Для чего? — спросил один из консулов.

— Чтобы граф вошел в нее на коленях.

Фульк нахмурился.

— Покаяние не унижает христианина.

— Публичное унижение владельца ослабляет его власть.

— Возможно, эту власть давно следовало ослабить.

Раймунд резко поднялся.

Кресло отодвинулось с тяжелым скрежетом.

— Вы находитесь в моем доме.

— И служу Церкви, которая выше любого дома.

Один из консулов кашлянул, пытаясь скрыть тревогу.

Эсclarмонда положила письмо на стол.

— Ссора между вами — именно то, чего ждут легаты.

Оба повернулись к ней.

— Пока Тулуза спорит с собственным епископом, — продолжила она, — северяне собирают людей, деньги и припасы. У них будет одна цель. У нас — десятки обид.

Раймунд снова сел.

— Что говорят в Фуа?

— Что войско придет.

— Это известно всем.

— Нет. Многие еще надеются, что проповедь останется проповедью. Что бароны примут крест, получают отпущение и разойдутся по домам. В Фуа такой надежды больше нет.

— Граф Фуа готов выступить?

— Он готов защищать свои земли.

— Только свои?

Эсclarмонда промолчала.

Ответ был понятен.

Один из консулов, пожилой торговец зерном, наклонился вперед.

— Город может собрать ополчение.

— Сколько людей? — спросил Раймунд.

— Три тысячи.

Другой консул покачал головой.

— Три тысячи имен. Вооруженных будет меньше половины.

— Мы выдадим копья.

— Копье не делает ткача солдатом.

Фульк произнес:

— Солдаты не понадобятся, если граф исполнит требования Церкви.

Эсclarмонда повернулась к нему.

— Вы верите, что армия остановится?

— Если ересь будет искоренена.

— Как быстро?

— Истина не измеряется днями.

— А войско измеряет. Днями пути, мешками зерна и сроком вассальной службы.

Епископ хотел ответить, но Раймунд поднял руку.

— Довольно.

Он подошел к окну и распахнул ставни.

В комнату ворвался солнечный свет. С площади донеслись голоса торговцев и звон кузнечного молота.

— Я посылал людей в Рим, — сказал граф. — Я принимал легатов. Я обещал преследовать еретиков. Я отлучал тех, кого мне называли. И все равно меня обвиняют.

— Потому что вы обещали больше, чем исполняли, — произнес Фульк.

— Потому что от меня требуют сделать врагами половину моих вассалов!

— Если половина ваших вассалов отвернулась от Церкви...

— Они не все еретики.

— Они защищают их.

Раймунд обернулся.

— Потому что на юге человек сначала видит соседа, а потом спрашивает, как тот молится.

Фульк поблел.

— В этом и заключается ваша вина.

Епископ поднялся и покинул палату.

Когда дверь закрылась, один из консулов тихо перекрестился.

Раймунд смотрел ему вслед.

— Он когда-то писал песни о любви.

— Теперь он пишет обвинения, — сказала Эсclarмонда.

— И делает это лучше.

Граф вернулся к столу.

— У нас есть союзники?

— Есть люди, которые обещают стать союзниками, если кто-нибудь другой выступит первым.

— Транкавель?

— Ждет вашего решения.

— Комменж?

— Считает, что войско повернет к Тулузе.

— Педро Арагонский?

Эсclarмонда задержала ответ.

— Это наша последняя надежда.

Раймунд усмехнулся без радости.

— Король, занятый войной с маврами и своими баронами?

— Он сюзерен Транкавелей в части их владений. Его сестра была вашей женой. Его влияние на юге достаточно велико, чтобы легаты вынуждены были его выслушать.

— Выслушать — не значит остановиться.

— Но если Педро потребует суда до начала войны, Рим не сможет сразу отказать.

— Сможет.

— Тогда хотя бы станет ясно, что целью является не ересь.

Один из консулов спросил:

— А что же тогда является целью?

Эсclarмонда посмотрела на карту, разложенную на столе.

— Земля.

Никто не возразил.

Раймунд провел пальцем вдоль границы своих владений.

— Кто поедет к Педро?

— Я.

Граф поднял голову.

— Нет.

— Почему?

— Потому что дорога через Фуа небезопасна. Потому что вы уже слишком заметны. И потому что король не станет обсуждать войну с женщиной.

— Он станет обсуждать войну с послом, у которого будет ваша печать.

— Вы слишком уверены.

— Нет. Просто остальные слишком боятся получить отказ.

Раймунд отвернулся.

— Педро может задержать вас при дворе.

— Может.

— Может отправить обратно без ответа.

— Может.

— Может сообщить легатам о наших переговорах.

— Тогда мы ничего не потеряем. Они и без того считают нас виновными.

Граф долго молчал.

С площади донесся смех. Где-то внизу играла виола.

— Когда вы готовы выехать? — спросил он.

— Завтра.

— Вам нужны люди.

— Арно и десять всадников. Не больше. Большой отряд привлечет внимание.

— И письмо.

— Не просьба о милости.

— А что?

Эсclarмонда подошла к окну.

За крышами Тулузы поднимались башни Сен-Сернена. Дальше лежали поля, дороги и владения, где каждый замок надеялся переждать чужую беду.

— Предупреждение, — сказала она. — Если северяне перейдут Рону, война не остановится у границ Тулузы. Рано или поздно она коснется всех, кто владеет землей к югу от Луары.

Раймунд открыл сундук и достал большую печать.

Красный воск лежал рядом в небольшом сосуде.

— Вы думаете, Педро поверит?

— Он поверит не словам. Он поверит страху потерять свое.

Граф нагрел воск над свечой.

— Значит, надежда у нас все-таки есть.

— Есть.

— Последняя?

Эсclarмонда посмотрела на его руки.

Они дрожали, когда он прижимал печать к воску.

— Последняя из тех, что еще не требуют крови.

К вечеру дворец пришел в движение.

Писцы готовили грамоты. Слуги укладывали в дорожные сундуки одежду, серебро для расходов и подарки арагонскому двору. В конюшне проверяли седла, меняли подковы, сушили подседельные попоны.

Арно нашел Эсclarмонду в галерее.

Она стояла у каменного парапета и смотрела на город.

— Люди готовы, — сказал он. — Выедем до рассвета.

— Хорошо.

— Вы верите, что король поможет?

— Нет.

Арно удивился.

— Тогда зачем ехать?

— Потому что надежда не обязана быть правдой. Иногда она нужна лишь затем, чтобы человек сделал еще один шаг.

Внизу зажигали первые светильники.

Тулуза медленно погружалась в сумерки. Городские ворота закрывались. На стенах сменялась стража. В домах накрывали столы, наливали вино и благодарили Господа за мирный день.

На севере уже пришивали красные кресты.

На юге еще писали письма.

И между войной и Лангедоком оставалась только надежда на то, что один король решится сказать Риму: довольно.

Глава III

След на берегу Роны

«У каждого преступления есть убийца. У великих войн — ещё и писец, который переписывает показания.»

Из хроники Лангедока.

Перед рассветом Раймон де Мирпуа вновь стоял на берегу Роны.

Прошло уже несколько месяцев после гибели папского легата Пьера де Кастельно, но именно сюда снова и снова возвращались его мысли. Война уже охватила Лангедок, армии двигались к новым крепостям, но Раймон всё сильнее убеждался: настоящая битва началась именно здесь — на этом тихом речном берегу.

Вода текла спокойно, словно не помнила крови, пролитой в январский вечер.

Рядом стояла старая ива. Корни глубоко уходили в берег, а над водой склонялись длинные ветви. Именно отсюда, по словам первых свидетелей, убийца вскочил в седло и исчез среди виноградников.

Раймон медленно прошёл несколько шагов.

В памяти всплывали строки официального расследования.

«Неизвестный рыцарь приблизился к легату после переправы...»

«Нанёс единственный удар копьём...»

«Скрылся на юг...»

Слишком кратко.

Слишком аккуратно.

Настоящие преступления редко укладывались в несколько безупречных строк.

— Всё осталось почти таким же, — произнёс за его спиной Гильом.

Раймон не обернулся.

— Кроме памяти людей.

Сенешаль подошёл ближе.

— Нашёл что-нибудь?

— Пока только вопросы.

Он достал из дорожной сумки три свитка.

Все были заверены одинаковыми печатями.

Первый — первоначальные показания рыбаков, записанные местным настоятелем через несколько часов после убийства.

Второй — копия допросов, отправленная в Тулузу.

Третий — официальный вариант, позднее представленный папским следователям.

Раймон разложил документы прямо на большом плоском камне.

— Посмотри.

Гильом наклонился.

— Здесь говорится, что убийца был один.

— Во всех трёх.

— Что тебя смущает?

— Не это.

Раймон показал первую запись.

— Здесь сказано: «За всадником следовал ещё один человек в тёмном плаще».

Он развернул второй свиток.

— Здесь уже написано: «Показалось, будто за всадником двигалась тень».

Третий документ.

— А здесь эта строка исчезла совсем.

Гильом нахмурился.

— Переписчик ошибся?

— Один раз — возможно.

— Два?

— Уже странно.

— Три?

— Тогда это становится работой.

Он перевёл взгляд на следующую строку.

— Смотри дальше.
В первом допросе рыбак уверял, что убийца ожидал легата задолго до переправы.
Во втором говорилось лишь, что тот появился внезапно.
В третьем не осталось даже этого.
Получалось, будто преступник возник из пустоты.
— Кто составлял окончательный текст? — спросил Гильом.
— Папские писцы.
— Значит...
— Кто-то очень тщательно убирал всё, что говорило о подготовке.
Гильом долго молчал.
Потом тихо сказал:
— Ты думаешь, это уже тогда началось?
— Нет.
Раймон поднял глаза на реку.
— Тогда это уже заканчивалось.
Сенешаль удивлённо посмотрел на него.
— Объясни.
— Если убийство готовили заранее, значит, ещё раньше кто-то решил, что легат должен умереть именно здесь, именно в этот день и именно так.
— Почему здесь?
— Потому что после переправы его сопровождение растягивалось. Берег высокий. Дорога узкая. Лучшего места не найти.
Гильом задумчиво осмотрел местность.
Действительно.
Несколько деревьев.
Небольшой изгиб дороги.
Крутой склон.
Убийца прекрасно знал, где ждать.
— Случайный человек не выбрал бы это место, — сказал он.
— Именно.
Раймон свернул документы.
— Но есть ещё кое-что.
Он подошёл к старому лодочнику, сидевшему возле перевёрнутой лодки.
Старик медленно поднялся.
— Господин де Мирпуа?
— Помните меня?
— Вы приезжали весной.
— Тогда вы сказали, что в тот вечер здесь были трое рыбаков.
— Были.
— Где третий?
Старик долго молчал.
— Умер.
— Когда?
— Через две недели после приезда людей легата.
— От чего?
— Сказали — лихорадка.
— Кто сказал?
— Священник.
— Вы видели тело?

— Нет.

Раймон внимательно посмотрел на него.

— Тогда откуда знаете, что он умер?

Старик опустил голову.

— Так говорили.

— Где его похоронили?

— Не знаю.

— Семья?

— Не осталось.

— Имя помните?

— Бернар.

— Фамилия?

— Никто не называл.

— Где он жил?

Старик указал на разрушенную хижину у самой воды.

Они подошли.

Дверь висела на одной петле.

Внутри было пусто.

Но Раймон сразу заметил, что пустота слишком аккуратна.

Ни посуды.

Ни инструментов.

Ни одежды.

Даже очаг тщательно вычищен.

— Здесь кто-то был недавно, — сказал он.

Гильом присел возле золы.

— Пепел свежий.

— Сколько?

— Неделя. Не больше.

Раймон осмотрел стены.

На одной из досок осталась глубокая царапина.

Не случайная.

Четыре лепестка.

И длинная вертикальная линия.

Словно кто-то начал вырезать цветок.

И не закончил.

Он осторожно провёл пальцами по дереву.

— Лилия...

— Что?

— Почти такая же.

— Какая?

— Какая была на печати Мартена.

Гильом подошёл ближе.

— Совпадение?

— Возможно.

Раймон достал нож.

Аккуратно снял тонкую щепку со стены.

— Заберу.

— Думаешь, пригодится?

— Всё начинает повторяться.

Они вышли наружу.
На берегу их ожидал местный священник.
Невысокий человек с усталым лицом.
— Мир вам.
— И вам, отец.
Священник поклонился.
— Вы снова расспрашиваете об убийстве.
— Да.
— Поздно.
— Для чего?
— Для правды.
— Почему?
— Потому что она уже никому не нужна.
Раймон внимательно посмотрел на него.
— А кому была нужна тогда?
Священник вздохнул.
— Когда приехали папские люди, они допрашивали нас три дня.
— Потом?
— Потом приехали другие.
— Какие?
Священник замолчал.
— Не знаю.
— Одежда?
— Без гербов.
— Сколько?
— Четверо.
— Что они хотели?
— Старые записи.
— Отдали?
— Нет.
— Тогда?
— Они забрали сами.
— Силой?
— Очень вежливо.
Раймон почувствовал, как внутри всё сжалось.
— После этого появились новые показания?
Священник кивнул.
— Уже переписанные.
— Кто приказал подписать?
— Человек, назвавшийся секретарём папской комиссии.
— Имя?
— Не представился.
— Как выглядел?
— Высокий. Говорил спокойно. На пальце серебряный перстень с лилией.
Гильом быстро посмотрел на Раймона.
Тот ничего не сказал.
Священник продолжил:
— Он объяснил, что некоторые слова свидетелей могли вызвать ненужные сомнения.
— Какие именно?

— Что убийца будто бы кого-то ждал.
— И?
— Что возле дороги ещё до появления легата стояли две лошади.
Раймон медленно поднял голову.
— Две?
— Так говорил Бернар.
— Тот самый рыбак?
— Да.
— Почему этого нет в протоколе?
— Потому что потом появилась только одна.
— Кто сказал?
— Тот человек.
— Он убедил вас?
— Нет.
— Тогда почему подписали?
Священник посмотрел на реку.
— Потому что через день Бернар исчез.
Наступила тишина.
Даже ветер словно стих.
Раймон спросил очень тихо:
— Не умер?
— Исчез.
— Но лодочник сказал...
— Людям сказали говорить, что он умер.
— Кто приказал?
— Не знаю.
— Вы искали его?
— Искал.
— Нашли?
— Только лодку.
— Где?
— Ниже по течению.
— Следы крови?
— Нет.
— Тело?
— Нет.
Раймон медленно свернул свитки.
Теперь всё складывалось иначе.
Свидетель, видевший второго всадника, исчез.
Его показания переписали.
Из документов исчезли любые намёки на заранее устроенную засаду.
Кто-то действовал быстро.
Очень быстро.
Будто заранее знал, какие именно слова придётся уничтожить.
Гильом нарушил молчание.
— Ты понимаешь, что это значит?
— Да.
— Тогда скажи.
Раймон долго смотрел на спокойную воду Роны.

— Если свидетелей начали исправлять уже в первые дни...

Он сделал паузу.

— ...значит, убийцу пытались не найти.

— А что?

— Сохранить нужную версию событий.

Священник перекрестился.

— Господь свидетель, я говорил именно так.

Раймон покачал головой.

— Нет, отец.

— Что?

— Господь был свидетелем.

Он посмотрел на три свитка.

— А люди сделали всё, чтобы никто больше им не стал.

Гильом медленно произнёс:

— Значит... смерть Пьера де Кастельно была не случайным убийством.

Раймон ответил не сразу.

Он ещё раз посмотрел на берег, где когда-то лежал смертельно раненный легат.

— Нет.

Его голос прозвучал почти шёпотом.

— Это была заранее подготовленная политическая провокация.

И если так, то крестовый поход начался не после убийства.

Он начался задолго до того дня, когда копьё пронзило Пьера де Кастельно на берегу Роны.

Глава IV

Старые враги

«Благоразумный скрывает знание, а сердце глупых высказывает глупость».

— Книга Притчей Соломоновых, 12:23

Рассвет едва коснулся башен Мирпуа, когда Раймон уже был в седле.

Город просыпался медленно. На площади открывались лавки, женщины несли к колодцу пустые ведра, кузнец разводил горн. Все выглядело так же, как вчера и год назад, но за привычной жизнью чувствовалось новое, едва различимое напряжение.

Люди стали чаще говорить вполголоса.

Они уже не обсуждали будущий урожай или цену шерсти. Их разговоры обрывались на словах «легат», «Рим», «крест», «северяне».

Раймон остановил коня возле городской стены.

Каменщики укрепляли старую кладку. Никто не отдавал приказ превращать Мирпуа в крепость, но каждый понимал, что время мирной беспечности прошло.

— Это лишнее, — сказал один из мастеров, заметив Раймона. — Если придут настоящие войска, эта стена долго не продержится.

— Тогда зачем работать?

Старик пожал плечами.

— Когда человек знает, что буря близко, он хотя бы закрывает ставни.

Ответ показался Раймону мудрее многих речей, которые он слышал за последний месяц.

Он уже собирался возвращаться домой, когда на дороге показался всадник.

Лошадь была покрыта пеной.

Гонец почти не слез с седла.

— Раймон де Мирпуа?

— Я.

— От графа Фуа.

Он протянул небольшую кожаную трубку с печатью.

Раймон сломал воск.

Всего несколько строк.

«Прибыть немедленно. Вопрос касается будущего Лангедока.»

Подпись Раймунда-Роже была короткой и твердой.

Раймон не стал задавать вопросов.

Через четверть часа он уже покидал Мирпуа.

...

Дорога к Фуа казалась знакомой, но сегодня каждый поворот напоминал ему другую дорогу.

Берег Роны.

Темная ночь.

Лошади, внезапно вставшие поперек тропы.

Люди в черных дорожных плащах.

Они не нападали.

Не угрожали.

Просто не позволили пройти.

Тогда Раймон считал их обычными наемниками.

Позже понял, что подобная дисциплина редко встречается среди случайных людей.

Кто-то командовал ими.

Кто-то заранее знал, где окажется Пьер де Кастельно.

Именно тогда легат погиб.

С тех пор память вновь и вновь возвращала Раймона к той ночи.

Он был убежден лишь в одном.

Если бы неизвестные не задержали их хотя бы на несколько минут, все могло сложиться иначе.

К полудню над рекой выросли башни Фуа.

Замок встретил его непривычной суетой.

Во дворе точили копья.

Лучники проверяли тетивы.

Оружейники раскладывали новые кольчуги.

Это уже не были обычные запасы большого замка.

Так готовятся люди, которые перестали надеяться на мир.

У лестницы Раймона встретил Арно.

— Хорошо, что ты приехал быстро.

— Что случилось?

— Пока ничего.

— Тогда зачем такая спешка?

Арно невесело улыбнулся.

— Именно поэтому.

Они поднялись наверх.

В коридоре появилась Эсклармонда.

Она выглядела усталой.

Пыль еще лежала на ее дорожном плаще.

Но глаза оставались спокойными.

— Ты вернулась?

— Несколько часов назад.

— Из Тулузы?

Она кивнула.

— Положение хуже, чем мы думали.

— Раймунд согласился?

— Он согласился бороться.

— Это не одно и то же.

— Я знаю.

Несколько мгновений они молчали.

За это время между ними не прозвучало ни одного лишнего слова.

Эсклармонда хорошо понимала Раймона.

Он — ее.

— Ты едешь в Арагон? — спросил он.

— Если граф подтвердит решение совета.

— Значит, надежда еще остается.

Она посмотрела в узкое окно.

— Надежда всегда остается.

Вопрос только в том, кому она нужна.

...

Совет уже собрался.

Граф Раймунд-Роже стоял возле карты.

Рядом находились кастелян, Арно и еще один человек.

Увидев его, Раймон остановился. Высокий. Темный плащ. Спокойный взгляд.

Он был старше большинства присутствующих, но держался так легко, словно привык находиться среди людей, которым доверяют государственные тайны.

Человек медленно повернулся.

И Раймон узнал его. Не лицо. Голос. И осанку.

Именно так стоял человек, который отдавал приказ на берегу Роны.

— Значит... это вы.

Незнакомец спокойно кивнул.

— Да.

В комнате стало тихо.

— Гийом де Валькур, — произнес граф.

— Имя мне известно.

Валькур посмотрел прямо на Раймона.

— Я тоже давно хотел познакомиться.

— Поздновато.

Арно едва заметно шагнул вперед. Он понимал, что сейчас достаточно одного неосторожного слова. Раймон сделал еще шаг.

— Ваши люди были на Роне.

— Были.

— Они остановили нас.

— Да.

— Из-за них погиб Пьер де Кастельно.

Валькур не отвел взгляда.

— Нет.

Это короткое слово прозвучало неожиданно спокойно.

— Они не дали нам пройти.

— Да.

— Тогда не лгите.

— Я никогда не лгу без необходимости.

Раймон почувствовал, как рука сама легла на рукоять меча. Но Валькур даже не посмотрел вниз.

— Вы действительно считаете, — тихо сказал он, — что судьба такого человека зависела от нескольких всадников на ночной дороге?

— Я видел достаточно.

— Нет.

— Что вы хотите этим сказать?

Валькур сделал шаг к окну.

— Вы видели исполнителей.

— А кто отдавал приказ?

— Если бы я знал это тогда, многое было бы иначе.

Раймон холодно усмехнулся.

— Очень удобный ответ.

— Возможно.

— Значит, вы признаете свою вину?

Валькур долго молчал. Потом произнес:

— Я признаю собственную ошибку.

Это были совсем не те слова, которых ожидал Раймон.

— Ошибку?

— Я полагал, что смогу удержать события под контролем.

— Не удержали.

— Нет.

— Из-за этого началась война.

Валькур медленно кивнул.

— Именно это не дает мне спокойно спать.

Граф Фуа резко ударил ладонью по столу.

— Довольно.

Все повернулись к нему.

— Если вы собираетесь закончить старую ссору, можете выйти во двор и решить ее мечами.

Он сделал паузу.

— Но после этого Лангедоку станет на двух хороших людей меньше.

Раймон отпустил эфес. Валькур спокойно отошел от окна, словно ничего не произошло.

...

Совет продолжался почти два часа. На карте появились новые отметки. Валькур рассказывал коротко. Без лишних слов.

— В Шампани крест приняли уже больше рыцарей, чем ожидали.

Он переставил деревянную фигурку.

— Бургундия собирает собственный отряд.

Еще одну.

— Арно Амори объезжает монастыри.

Третью.

— Каждый день число добровольцев растет.

Кастелян нахмурился.

— Они идут за отпущением грехов?

Валькур покачал головой.

— Одни.

— А остальные?

— За землей.

В комнате снова стало тихо. Раймон впервые заметил, что Валькур говорит без ненависти. Он говорил так, словно давно перестал удивляться человеческой природе.

Граф спросил:

— Что делает Рим?

— То, что всегда.

— Говорите яснее.

Валькур поднял взгляд.

— В Риме прекрасно понимают, что после смерти легата остановить этот поход почти невозможно.

— Почти?

— Почти.

— Значит, остается надежда?

— Надежда всегда остается.

Эсклармонда едва заметно улыбнулась.

Это были ее слова.

Валькур продолжил:

— Пока король Педро не сделал выбор.

Граф повернулся к Эсклармонде.

— Завтра утром выезжаете.

Она спокойно кивнула.

— С вами отправятся Арно...

Он посмотрел на Раймона.

— ...и Раймон де Мирпуа.

Для Раймона решение стало неожиданностью.

— Я?

— Да.

— Почему именно я?

Граф улыбнулся.

— Потому что я доверяю твоему мечу.

Валькур негромко добавил:

— А я — твоему упрямству.

Раймон ничего не ответил.

...

После совета он догнал Валькура в длинной галерее.

За узкими окнами шумела Арьеж.

— Подождите.

Валькур остановился.

— Один вопрос.

— Только один?

— Пока да.

— Спрашивайте.

Раймон некоторое время молчал.

Потом произнес:

— Кому была выгодна смерть Пьера де Кастельно?

Валькур не ответил сразу. Он подошел к окну. Долго смотрел на реку.

Наконец сказал:

— Иногда убийцу найти легче, чем человека, который больше всех выиграл от убийства.

— Вы знаете этого человека?

— Нет.

— Тогда почему говорите так уверенно?

Валькур повернулся.

В его взгляде впервые появилась усталость.

— Потому что слишком долго наблюдал за людьми, которые умеют превращать кровь в политику.

— Вы имеете в виду Рим?

Валькур выдержал паузу.

— Я имею в виду тех, кто уже решил, что война неизбежна.

— Это не ответ.

— Другого пока нет.

Он сделал несколько шагов.

Потом остановился.

— Раймон.

Это был первый раз, когда он назвал его по имени.

— Если хочешь узнать правду...

Он посмотрел прямо ему в глаза.

— ...не начинай искать ее среди тех, кто держал нож.

И ушел.

...

Поздним вечером Раймон стоял на крепостной стене.

Внизу мерцали огни Фуа. Во дворе уже готовили лошадей для завтрашнего отъезда.

Эсclarмонда отправлялась к Педро II. Он поедет рядом.

Но впервые после гибели Пьера де Кастельно Раймон думал не о предстоящем пути.

Он вспоминал слова Валькура.

«Не начинай искать правду среди тех, кто держал нож».

Если это было правдой, значит, настоящий враг находился гораздо дальше.

Не на берегу Роны. Не в Фуа. И, возможно, даже не в самом Риме.

Он поднял голову. На севере, скрытые ночной тьмой, лежали земли, где уже нашивали красные кресты на плащи.

Где-то там тысячи людей готовились идти освободить Гроб Господень, но их путь должен был привести в Лангедок.

Раймон вдруг почувствовал, что с этой ночи его цель изменилась.

Он поедет в Арагон не только защищать Эсclarмонду и выполнять поручение графа.

Он будет искать ответ на вопрос, который не давал ему покоя с того самого дня на берегу Роны.

Кому на самом деле была нужна эта война?

И пока он не найдет ответ, смерть Пьера де Кастельно не перестанет преследовать его ни днем, ни ночью.

Глава V

Путь на юг

«И услышите о войнах и о военных слухах. Смотрите, не ужасайтесь, ибо надлежит всему тому быть».

— Евангелие от Матфея, 24:6

Лион проснулся в темноте.

Над городом еще висела глубокая предрассветная синева, и только на востоке, за холмами, появилась едва различимая бледная полоса. Улицы оставались погружены в тень, но покоя в них уже не было. За закрытыми ставнями горели масляные светильники. В конюшнях били копытами встревоженные лошади. Из монастырских дворов доносились голоса, скрип ворот и сухой стук деревянных сундуков, которые слуги грузили на повозки.

Город готовился выпустить из себя армию.

У ворот Сен-Жюст теснились обозы. Тяжелые телеги, крытые промасленным полотном, стояли в несколько рядов. На одних лежали мешки с мукой и ячменем, на других были укреплены бочки с вином и солониной. Отдельные повозки везли связки копий, запасные щиты, дубовые брусья, мотки пеньковых канатов, кузнечные мехи и железные части осадных машин. Здесь же томились в клетях куры, блеяли привязанные к бортам козы, визжали поросята, предназначенные для походных кухонь.

Погонщики ругались, расталкивая сонных волов. Оруженосцы, еще не до конца проснувшиеся, бегали от конюшен к своим господам, неся шлемы, щиты и копья. Кто-то искал потерянную перчатку, кто-то спорил из-за места в колонне, кто-то уже успел опрокинуть корзину с хлебом и теперь собирал круглые темные караваи прямо из грязи.

Запахи смешивались в тяжелую, почти осязаемую массу: конский пот, навоз, дым мокрых дров, горячая каша, кожа, смазанная салом, вино, чеснок и шерсть промокших плащей.

Готье де Бове стоял во дворе дома каноника, где его отряд провел последнюю ночь перед выступлением, и наблюдал, как Мартен затягивает подпругу на его гнедом жеребце.

Юноша делал это уже в третий раз.

— Ты хочешь перетянуть его пополам? — спросил Готье.

Мартен выпрямился и поспешно убрал руки.

— Мне показалось, она ослабла, господин.

— Она не ослабла.

— Я проверял вчера вечером.

— И ночью?

Оруженосец смутился.

— Дважды.

Готье взял повод и провел ладонью по шее коня. Жеребец недовольно дернул ухом. Он чувствовал шум, тесноту, множество чужих животных и людей и потому был напряжен не меньше хозяина.

— В дороге ты быстро научишься отличать осторожность от страха, — сказал Готье.

— Я не боюсь.

— Хорошо. Значит, научишься еще быстрее.

Мартен опустил глаза, но уголки его губ дрогнули.

На юноше был короткий шерстяной кафтан, поверх которого он надел потертый кожаный жилет. За поясом висел нож, а на спине — круглый щит господина, обтянутый выкрашенной в красный цвет кожей. Собственная кольчуга Мартена пока состояла лишь из короткой рубахи, доходившей до бедер. На большее у его семьи не хватило средств.

Сам Готье уже облачился для дороги. Под длинной шерстяной коттой он носил стеганный гамбезон, а кольчугу и шлем велел погрузить на выючную лошадь. В полном вооружении ехать целый день было бессмысленно: железо быстро натирало плечи, а солнце превращало кольчужную рубаху в раскаленную тяжесть.

На его груди, поверх темно-синего плаща, был нашит красный крест.

Готье поймал себя на том, что смотрит на него дольше обычного.

Когда он принимал крест в Бове, этот кусок ткани казался ему знаком ясности. Все сомнения должны были остаться позади. Человек либо шел служить Господу, либо оставался дома. Либо верил, либо отступал.

В Лионе все оказалось сложнее.

В соседнем дворе кто-то расхохотался. Послышался звон кувшина, упавшего на камни, и грубый голос прокричал:

— Оставь немного вина на дорогу, Гуго! Или хочешь победить ересь одним перегаром?

Ответом стал новый взрыв смеха.

Мартен посмотрел туда.

— Они всю ночь пили?

— Некоторые считают, что перед войной человек должен взять от жизни все, что может.

— А вы так не считаете?

Готье взглянул на него.

— Нет.

— Почему?

— Потому что тот, кто заранее прощается с жизнью, уже наполовину проиграл.

С улицы донесся звук колокола.

Не торжественный праздничный звон и не погребальный набат. Короткие, мерные удары призывали людей к мессе перед выступлением.

Готье накинул плащ.

— Оставь лошадей Пьеру. Идем.

Церковь при аббатстве была переполнена.

Рыцари стояли тесно, плечом к плечу. Многие вошли прямо в дорожной одежде, с мечами на поясах и шпорами на сапогах. Передние ряды занимали бароны и епископы. За ними теснились оруженосцы, сержанты, лучники, ремесленники и паломники. Тем, кому не хватило места, пришлось остаться во дворе и слушать службу через открытые двери.

Под каменными сводами дрожал свет сотен свечей.

У алтаря стоял Арно Амори.

На нем не было ни богатой митры, ни расшитого золотом облачения. Белая цистерцианская ряса подчеркивала худобу его фигуры. Легат казался почти неподвижным, словно был высечен из того же светлого камня, что и колонны храма.

Священники запели «Kyrie eleison».

Голоса поднялись к сводам, слились и вернулись вниз гулким эхом. Шорох одежды и звон оружия постепенно стихли. Даже лошади во дворе будто почувствовали торжественность минуты и перестали ржать.

Готье опустился на колени.

Каменные плиты были холодными.

Он повторял слова молитвы вместе со всеми, но мысли его упрямо возвращались к отцу.

К последнему разговору в Бове.

К старому человеку, который стоял у окна родового дома, глядя, как слуги привязывают дорожные мешки к седлам.

«Не позволяй никому убедить тебя, будто Господу приятна чужая смерть».

Тогда Готье решил, что отец говорит из страха. Старики всегда страшатся войн, даже если сами провели молодость в седле. Теперь же эти слова вспоминались слишком часто.

После чтения Евангелия Арно Амори поднялся на ступень алтаря.

Он не повысил голоса, однако каждое его слово было слышно до самых дверей.

— Вы покидаете сегодня этот город не ради славы человеческой. Не ради земель, серебра или мести. Тот, кто носит крест и думает о добыче, уже осквернил его в своем сердце.

Несколько рыцарей невольно опустили глаза.

Готье заметил это.

— Вы идете, — продолжал легат, — чтобы вернуть заблудших в лоно Церкви и сокрушить упорство тех, кто сознательно отверг истину. Милосердие должно предшествовать мечу. Но милосердие без силы становится лишь слабостью, которой зло пользуется без страха.

Он сделал паузу.

Готье услышал, как где-то в глубине церкви кашлянул человек.

— Помните также: послушание ценнее отваги. Войско, в котором каждый ищет собственной чести, обречено. Ибо гордыня разделяет даже тех, кто носит один крест.

Эти слова явно предназначались не простым воинам.

Впереди, среди баронов, кто-то едва заметно повернул голову к соседу.

После мессы епископы прошли вдоль рядов, окропляя людей святой водой. Рыцари склоняли головы, крестились и касались рукоятей мечей. Некоторые вытаскивали клинки из ножен на ладонь, чтобы капли упали на сталь. Старый обычай, не одобряемый священниками, но слишком привычный, чтобы его запрещать перед походом.

Во дворе каждый получил ломоть хлеба и глоток вина.

Готье отдал свою чашу Мартену.

— Вам не нужно? — удивился тот.

— Выпей. Ты бледный.

— Я не боюсь.

— Я этого и не сказал.

У ворот уже строилась колонна.

Первым должны были выйти церковные хоругви и отряды, назначенные охранять легатов. За ними двигались дружины крупнейших сеньоров. Каждому было определено свое место, однако порядок начал рушиться почти сразу.

Люди графа Неверского требовали пропустить их вперед. Бургундские рыцари отказывались уступать дорогу обозу одного из епископов. Несколько фламандских сержантов сцепились с погонщиками из Шампани из-за телеги, застрявшей поперек улицы.

Посреди этого шума появился Симон де Монфор.

Он ехал на темном коне, без шлема, в простой кольчужной рубахе, поверх которой был надет белый сюрко с красным львом. На щите у его седла повторялся тот же знак. Монфор не кричал и не размахивал руками. Он подозвал двух рыцарей, указал на повозку, затем на боковую улицу. Через несколько минут затор начал рассасываться.

— Он командует так, словно его уже назначили предводителем, — произнес Этьен де Монтрей, подъезжая к Готье.

На Этьене был новый зеленый плащ с меховой оторочкой, совершенно неподходящий для пыльной дороги. Его шлем висел у седла, а длинные светлые волосы были перехвачены кожаным ремешком.

— Пока он всего лишь наводит порядок, — ответил Готье.

— Порядок — первый шаг к власти.

— А второй?

— Сделать так, чтобы все забыли, как обходились без тебя.

Этьен улыбнулся, но взгляд его оставался серьезным.

Ворота наконец распахнулись полностью.

За стенами раздался гул толпы.

Жители Лиона заполнили дорогу и склоны вокруг нее. Купцы, ремесленники, женщины с детьми, монахи, нищие. Кто-то пришел благословить родных, кто-то — посмотреть на баронов, чьи имена слышал с детства, а кто-то надеялся заработать на последней продаже хлеба, вина или дешевых оберегов.

Когда из ворот показались первые хоругви, люди опустились на колени.

Запели женщины.

Несколько голосов подхватили старый гимн паломников. Слова тонули в скрипе колес, звоне упряжи и перестуке тысяч копыт, но мелодия упрямо держалась над дорогой.

Армия выступила.

Готье оглянулся на город, когда его отряд поднялся на первый холм.

Лион лежал внизу, сжатый между реками и каменными стенами. Утренний свет зажигал черепичные крыши. Над базиликами поднимались тонкие струи дыма. Ворота все еще извергали людей, коней и повозки, и казалось невероятным, что все это множество прежде помещалось внутри города.

Этьен тоже посмотрел назад.

— Красиво.

— Что именно?

— То, как начинается история.

Готье перевел взгляд на дорогу.

— История редко бывает красивой для тех, кто находится внутри нее.

— Ты становишься мрачным.

— А ты слишком весел.

— Кто-то из нас должен уравнивать другого.

Первые часы люди двигались бодро.

Дорога шла на юг вдоль Роны, то приближаясь к реке, то скрываясь между холмами. После тесных улиц Лиона простор казался почти праздничным. Над полями стоял запах влажной земли. Виноградные лозы уже покрылись молодой зеленью. На склонах белели цветущие деревья. С реки тянуло прохладой, и ветер раздувал плащи всадников.

Крестьяне бросали работу и выходили к обочине.

Некоторые приносили кувшины воды. Женщины протягивали рыцарям яйца, хлеб и головки сыра, надеясь получить благословение или хотя бы монету. Дети бежали за колонной, пока матери не хватали их за плечи и не возвращали домой.

Но праздничное настроение быстро рассеялось.

Когда передовые отряды уже ушли далеко вперед, последние повозки лишь покидали окрестности Лиона. Пыль поднялась такой плотной стеной, что люди глотали ее вместе с воздухом. Лошади начали храпеть и мотать головами. Колеса то и дело попадали в глубокие колеи. Один воз опрокинулся, рассыпав по дороге мешки с овсом. На узком участке столкнулись две телеги, и спор между погонщиками едва не закончился дракой.

К полудню Готье уже не видел ни церковных знамен, ни крупных баронов.

Перед ним тянулись спины всадников, за ним — новые спины, копья и клубы пыли. Армия, казавшаяся издали торжественным целым, вблизи распадалась на сотни отдельных отрядов, каждый из которых думал прежде всего о собственной воде, собственном корме и собственном месте на дороге.

Мартен подъехал ближе.

— Господин, Пьер говорит, что выючная кобыла начала хромать.

— На какую ногу?

— На левую переднюю.

— Остановитесь у следующего ручья. Пусть снимет подкову и проверит копыто.

— Но мы отстанем.

— Лучше отстать на час, чем потерять лошадь.

Юноша кивнул и уехал назад. Этьен проводил его взглядом.

— Хороший мальчик.

— Он думает, что идет на турнир.

— Большинство здесь думает то же самое.

— А ты?

Этьен поправил перчатку.

— Я думаю, что через сорок дней вернусь домой с отпущенными грехами и несколькими историями, которыми можно будет мучить гостей за ужином.

— Ты уверен, что поход продлится сорок дней?

— Такова служба вассала.

— Крестоносец — не обычный вассал.

— Но и у крестоносца есть земли, жена, долги и урожай, который без него разворуют управляющие.

Готье взглянул на друга.

— Ты собираешься уйти через сорок дней, даже если война не закончится?

— Я собираюсь исполнить обет.

— Это не одно и то же.

Этьен усмехнулся.

— Уже говоришь как монах.

— Нет. Монахи уверены в ответах. Я только задаю вопросы.

Они остановились на привал у небольшой деревни.

Во дворе местной церкви установили походный алтарь. Пока священники читали короткую молитву, слуги раздавали людям хлеб, сушеную рыбу, сыр и луковицы. Знатные рыцари ели отдельно. На расстеленных плащах появились холодные каплуны, копченое мясо, орехи и кувшины вина.

Готье сел в тени старого каштана. Мартен принес ему деревянную миску с густой похлебкой из чечевицы и сала.

— Откуда это?

— У людей графа Сен-Поля остался котел.

— Остался?

— Повар сказал, что лучше отдать, чем снова греть вечером.

Готье попробовал похлебку. Она была пересолена, но после нескольких часов в пыли показалась превосходной.

Рядом расположились трое незнакомых рыцарей. Один носил на сюрко герб Артуа, двое были бургундцами. Они говорили громко, не считая нужным скрывать разговор.

— Мой кузен был в Тулузе, — сказал артуаец. — Говорит, там дома знатных горожан лучше, чем замки у нас на севере.

— Каменные?

— С садами, галереями, фонтанами. И женщины ходят с открытыми лицами, будто все они королевы.

Один из бургундцев рассмеялся.

— Значит, ересь не лишила их вкуса.

— Ересь редко лишает людей богатства. Скорее наоборот.

— Церковь обещала, что земли еретиков перейдут тем, кто их возьмет?

— Церковь обещала отпущение грехов.

— Я спрашиваю о землях.

Артуаец отпил вина.

— Если хозяин замка окажется еретиком и лишится владений, кто-то ведь должен будет управлять ими во славу Господа.

Они засмеялись.

Готье положил ложку.

— Вам не нравится похлебка? — спросил Мартен.

— Похлебка ни при чем.

Он поднялся и отошел к ручью.

Вода была холодной и прозрачной. Готье умыл лицо, смывая пыль с бровей и губ. На противоположном берегу мальчишка-пастух наблюдал за рыцарями. Рядом с ним стояли две тощие овцы.

— Ты видел когда-нибудь столько людей? — спросил Готье.

Мальчик покачал головой.

— Куда вы идете?

— На юг.

— Зачем?

Готье хотел ответить привычными словами: защищать Церковь, искоренять ересь, служить Господу.

Но внезапно понял, что не хочет произносить их перед этим ребенком.

— Так велено, — сказал он.

Мальчик нахмурился.

— Кем?

Готье усмехнулся.

— Очень многими людьми.

После полудня дорога поднялась выше.

Рона осталась внизу, широкая, зеленовато-серая, покрытая бликами. На другом берегу виднелись поля и небольшие укрепленные селения. Почти у каждого возвышалась каменная башня. Некоторые замки были лишь грубыми донжонами за деревянным частоколом, другие уже имели стены, зубцы и угловые башни.

Владельцы этих земель встречали армию по-разному.

Один сеньор выехал навстречу с сыновьями и преподнес легатам двадцать быков и десять бочек вина. Другой запер ворота замка и наблюдал за колонной со стены, не выказывая ни враждебности, ни радости. Третий прислал священника с письмом, в котором заверял в верности Церкви, но ссылаясь на болезнь и не являлся лично.

— Разумный человек, — заметил Этьен. — И армию накормил бы, и в поход не пошел бы.

— Он не накормил армию.

— Потому и разумный.

Ближе к вечеру поднялся ветер.

Пыль стала еще гуще. Солнце висело низко над холмами, красное, словно раскаленный щит. Люди устали. Песни смолкли. Даже разговоры стали редкими. Слышались только скрип, звон железа и хриплые окрики десятников.

Лагерь решили разбить на широкой равнине у реки.

Место выбрал Симон де Монфор.

Он прибыл туда раньше основной колонны и вместе с несколькими рыцарями объехал берег. Почва была сухой, поблизости имелись вода и лес, а невысокий холм позволял наблюдать за дорогой.

Когда подошли первые отряды, люди Монфора уже размечали лагерь.

Знаменосцы устанавливали штандарты, обозначая участки баронов. Обозы направляли к внешнему краю, лошадей — ближе к реке, но ниже по течению от места, где брали воду для людей. Для легатов и епископов разбивали шатры на возвышении. Рядом ставили походную часовню.

Несмотря на распоряжения, началась обычная неразбериха.

Люди герцога Бургундского заняли место, отведенное графу Неверскому. Пехотинцы одного из епископов поставили котлы там, где должны были пройти повозки. Стадо быков сорвалось с привязи и едва не смяло палатки шампанцев.

Готье велел своим людям расположиться у рощи.

Слуги забили деревянные колья и растянули веревки. Шатер рыцаря состоял из плотного полотна, сшитого из нескольких полос. Внутри на землю бросили войлок, поставили складной табурет, сундук и небольшой деревянный крест. Простые воины устраивались под навесами или прямо под открытым небом, завернувшись в плащи.

Мартен принес кольчугу и принялся очищать ее от пыли пучком сухой травы.

— Оставь, — сказал Готье. — Утром снова будет такой же.

— Но ржавчина...

— Тогда смажь жиром и убери в мешок.

Рядом Пьер осматривал хромавшую кобылу.

— Камень попал под подкову, — сообщил он. — Копыто цело.

— Она сможет идти завтра?

— Если не гнать.

— Мы и сегодня не гнали.

Пьер посмотрел на бесконечный лагерь и хмыкнул.

— Это войско не сможет гнать, даже если за ним будет сам дьявол.

Между рядами палаток уже разгорались костры.

На вертелах жарили мясо. В котлах варили капусту, бобы, репу и просо. Кто-то купил у местных крестьян свежую рыбу и запекал ее в глине. Запах пищи привлекал собак, следовавших за армией от самого Лиона. Их отгоняли палками, но они возвращались.

С наступлением темноты лагерь превратился в отдельный город.

Тысячи огней тянулись вдоль реки. Между ними ходили люди с факелами. Звенели молотки походных кузнецов. Священники исповедовали тех, кто не успел сделать этого в Лионе. Менестрели уже нашли слушателей и пели о Карле Великом, Роланде и войнах с неверными.

У одного из костров собрались рыцари из разных земель.

Готье сел рядом с Этьеном. Мартен принес им хлеб, кусок жареной свинины и разбавленное водой вино.

Разговор начался с лошадей, затем перешел к дорогам, а вскоре — к цели похода.

Пожилой рыцарь в потертой кольчуге, назвавшийся Робером де Куси, спросил:

— Кто из вас видел катара?

Ему не ответили.

Молодой бургундец пожал плечами.

— Для этого есть епископы.

— Епископы видели?

— Они знают ересь.

— Я спросил, видели ли они еретиков.

— Какая разница?

Робер протянул руки к огню.

На двух пальцах у него не хватало верхних фаланг.

— Разница всегда есть, когда собираешься убивать человека.

— Мы идем не убивать, — сказал Этьен. — Мы идем заставить их вернуться к истинной вере.

— И если не вернутся?

— Тогда сами выберут судьбу.

Старый рыцарь посмотрел на него.

— Никогда не замечал, как легко мы называем чужую смерть чужим выбором?

Этьен нахмурился.

— Вы сомневаетесь в походе?

— Я сомневаюсь во всем, что требует от человека перестать думать.

Несколько рыцарей недовольно переглянулись.

Молодой священник, сидевший неподалеку, вмешался:

— Сомнение опасно, мессир. Через него враг входит в душу.

Робер улыбнулся.

— А через уверенность иногда входит гордыня, отец.

— Вы ставите собственный разум выше решения Церкви?

— Нет. Я лишь стараюсь понять, что именно мне приказывают делать.

Священник покраснел.

— Вам приказывают защищать веру.

— От кого?

— От тех, кто ее извращает.

— Их имена вы знаете?

Ответа не последовало.

Готье смотрел на огонь.

Пламя пожирало сухую ветку, пока та не переломилась с коротким треском.

— Я видел одного южанина, — сказал он.

Все повернулись к нему.

— Еретика? — спросил бургундец.

— Нет. Рыцаря.

— Где?

— На турнире.

— И что?

Готье помолчал.

— Он сражался честно.

— Честность не делает человека правоверным.

— Я этого не говорил.

— Тогда к чему ты ведешь?

Готье поднял глаза.

— К тому, что люди на юге могут оказаться людьми.

Наступила тишина.

Этьен тихо рассмеялся, пытаясь разрядить напряжение.

— Удивительное открытие. Надо немедленно сообщить легату.

Кто-то улыбнулся, разговор ушел в сторону, но Робер де Куси еще некоторое время смотрел на Готье, словно запоминая его лицо.

Поздно вечером в лагере зазвонил колокол.

Люди, еще не уснувшие, направились к походной часовне. На возвышении между факелами был установлен простой алтарь. За ним стояли священники. Белые рясы цистерцианцев казались почти светящимися в темноте.

Арно Амори прочел вечернюю молитву.

Потом несколько тысяч голосов начали «Salve Regina».

Пение поднималось над кострами, рекой и темными холмами. Оно было величественным и печальным. Даже те, кто не знал всех слов, повторяли мелодию.

Готье стоял рядом с Мартеном.

Юноша пел тихо, почти шепотом.

В этот момент армия снова казалась единой.

Не сборищем баронов, алчных младших сыновей, паломников, наемников и крестьян, а одним народом, объединенным верой.

Готье хотел удержать это ощущение.

Но неподалеку двое пьяных сержантов уже дрались из-за украденного кувшина.

Один ударил другого ножами меча. Тот упал в грязь. Их растащили прежде, чем пролилась кровь, однако песнопение на мгновение заглушили проклятия.

Утром нашли тело обозного слуги.

Он лежал у реки лицом вниз. Кошель исчез, сапоги сняли.

Готье видел, как двое людей перенесли мертвеца на плащ и понесли к священнику.

Никто не остановил выступление.

Армия снова потянулась на юг.

В тот же день далеко впереди легаты принимали посланника Раймунда VI.

Граф Тулузский вновь заверял в покорности Церкви. Он напоминал о принесенном покаянии, обещал преследовать явных еретиков и просил не вводить войско в его владения.

Письмо читали в шатре Арно Амори.

Присутствовали несколько епископов, граф Неверский и Симон де Монфор.

Посланник, пожилой каноник из Тулузы, стоял у входа. Его дорожный плащ был покрыт пылью, а лицо осунулось от усталости.

Когда чтение закончилось, легат сложил пергамент.

— Ваш господин говорит о покорности, — произнес он. — Но слишком долго его земли служили убежищем для ереси.

Каноник поклонился.

— Граф выполнил требования Святого престола.

— Он выполнил те из них, которые позволили ему снять отлучение.

— Разве Церковь сомневается в искренности его покаяния?

Арно Амори посмотрел на него без гнева.

— Искренность знает Господь. Мы судим по делам.

— Какие дела вы требуете теперь?

— Чтобы граф помог очистить юг.

Каноник побледнел.

— Помог войску войти в земли своих соседей?

— Помог Церкви.

— А если соседи его не обвинены?

— Непокорность уже становится обвинением.

Симон де Монфор, до тех пор молчавший, поднял голову.

— Каково положение в Безье? — спросил он.

Посланник повернулся к нему.

— Я не уполномочен говорить о владениях виконта Транкавеля.

— Но дорога из Тулузы проходит через них.

— Проходит.

— Укрепления?

Арно Амори едва заметно взглянул на Монфора, но не остановил его.

Каноник ответил не сразу:

— Безье — старый город. Стены крепкие.

— Гарнизон?

— Мне неизвестно.

— Вода внутри стен есть?

— Мессир, я прибыл с письмом о мире.

Монфор спокойно произнес:

— А я спросил о воде.

Каноник сжал губы.

— В городе есть колодцы.

После его ухода граф Неверский рассмеялся.

— Он понял, что мира не будет.

Арно Амори повернул к нему лицо.

— Мы не отвергаем мира.

— Разумеется.

— Не произносите этого таким тоном, граф.

В шатре стало тихо.

Легат положил ладонь на письмо Раймунда.

— Мир возможен для тех, кто подчинится. Но поход не остановится из-за заверений одного человека. Слишком много душ ожидают освобождения.

Монфор посмотрел на карту.

— Тогда следует решить, кто станет первой целью.

Арно Амори не ответил. Но его палец уже лежал на дороге к Безье.

...

В это же время в Тулузе Эсклармонда поднималась по широкой каменной лестнице графского дворца.

День был жарким. Из открытых галерей доносился запах розмарина и прогретой черепицы. На площади перед дворцом торговцы продолжали кричать, зазывая покупателей. Продавали ткани, специи, вино, сушеную рыбу, оливковое масло. Под навесами цирюльники брили клиентов, писцы составляли письма, менялы звенели серебром.

Город жил так, будто никакой армии на севере не существовало.

Эта беспечность пугала Эсклармонду сильнее паники.

В большом зале уже собрались представители южных владетелей.

Граф Раймунд VI сидел в кресле у длинного стола. На нем была темная котта без украшений. Только тяжелая золотая застежка плаща напоминала о его положении. Рядом лежала печать Тулузы и несколько раскрытых писем.

У стены стояли посланники Фуа. Напротив них расположились люди Комменжа, Минерва и Транкавелей. Одни прибыли в дорогих шелковых одеждах, другие — в дорожных плащах, запыленных до серого цвета. Некоторые привезли писцов и советников. Каждый сеньор хотел быть услышанным, но никто не желал первым принять обязательства.

Когда Эсклармонда вошла, спор уже шел.

— Безье способен выдержать осаду, — говорил представитель виконта Транкавеля. — Стены там надежнее, чем полагают северяне.

— Надежные стены не заменят войско, — возразил старый барон из Комменжа.

— А войско не появится из воздуха.

— Оно появится, если ваши господа перестанут считать людей только у соседа.

Представитель Транкавеля вскочил.

— Вы обвиняете виконта в трусости?

— Я обвиняю всех нас в слепоте.

Раймунд поднял руку.

Спор стих не сразу.

— Мы не собрались здесь мерить мужество, — сказал граф. — Северяне уже выступили. Нам нужны решения.

— Решение есть, — произнес епископ, сидевший ближе к окну. — Следует подчиниться требованиям легатов.

Эсклармонда посмотрела на него.

— Каким именно?

— Выдать еретиков. Принести клятвы. Открыть города представителям Церкви.

— И после этого армия повернет назад?

Епископ отвел взгляд.

— По крайней мере, у нее не останется причины продолжать поход.

— В Лионе собрались тысячи рыцарей, — сказала Эсклармонда. — Они оставили земли, заплатили за оружие, привели людей и обозы. Вы полагаете, им скажут у ворот Лангедока, что все закончилось, и они покорно разъедутся?

— Если такова будет воля Церкви.

— А если воля Церкви уже изменилась?

Раймунд устало потер переносицу.

— Эсклармонда.

— Мы должны произнести это вслух.

Она подошла к столу.

На нем лежала карта. Не подробная, а грубо начерченная на пергаменте: реки, главные дороги, города, перевалы.

Эсклармонда указала на долину Роны.

— Сейчас они здесь. Через несколько дней будут ближе. Каждая крепость надеется, что удар придется по соседу. Каждый сеньор думает, что успеет договориться отдельно. Но если падет первый город, остальные начнут просить милости уже не как союзники, а как обвиняемые.

— Вы предлагаете собрать общее войско? — спросил представитель Минерва.

— Да.

В зале послышался негромкий ропот.

— Под чьим командованием?

— Это можно решить.

— Вот именно, — усмехнулся человек Транкавеля. — Граф Фуа не подчинится Тулузе. Транкавель не отдаст своих людей Комменжу. Арагонцы потребуют заложников. Пока мы будем решать, кто выше сидит за столом, северяне уже окажутся у ворот.

— Поэтому решать нужно сейчас.

— Легко говорить тому, кто не обязан отдавать замки.

Эсклармонда медленно повернулась к нему.

— Я обязана отдавать больше, чем замки.

Ее голос прозвучал тихо, но зал замолчал.

— Я отдаю людей, которые верят, что их господа способны думать не только о собственных стенах. Я отдаю деревни, где крестьяне еще сеют хлеб, не зная, кто соберет урожай. Я отдаю детей, которые через месяц могут увидеть то, чего не должен видеть ни один ребенок. Не говорите мне о цене.

Раймунд смотрел на нее долго.

Затем спросил:

— Что вы предлагаете прежде всего?

— Послать новое посольство к Педро Арагонскому. Не просьбу о посредничестве — просьбу о войске. Созвать всех, кто способен привести хотя бы сотню копий. Укрепить переправы. Собрать зерно в защищенных городах. Увести скот с дорог. Не позволять армии кормиться за наш счет.

— Это будет выглядеть как подготовка к войне, — сказал епископ.

— Потому что война идет к нам.

— Мы можем спровоцировать легатов.

Эсклармонда резко ответила:

— Их уже не нужно провоцировать.

Наступило молчание.

Раймунд поднялся и подошел к окну.

С высоты дворца Тулуза казалась спокойной и богатой. Над крышами поднимались башни церквей. На реке медленно двигались лодки. За стенами зеленели поля.

— Я уже писал Педро, — сказал он.

— Напишите снова.

— Он не захочет выступать против крестоносцев.

— Тогда пусть выступит как защитник своих вассалов.

— Это игра словами.

— В дипломатии слова иногда дают время.

Граф обернулся.

— А у нас оно есть?

Эсклармонда не ответила сразу.

— Очень мало.

После совета люди расходились медленно.

Никто не хотел показывать страх, но он ощущался в каждом движении. Посланники переговаривались у дверей, избегая смотреть друг другу в глаза. Представитель Транкавеля потребовал свежих коней. Люди Комменжа спорили, следует ли возвращаться ночью. Епископ задержался у Раймунда, вероятно надеясь убедить его не принимать поспешных решений.

Эсклармонда вышла в галерею.

Там ее догнал граф.

— Вы сделали их еще более испуганными, — сказал он.

— Страх иногда полезнее самообмана.

— Испуганные люди не становятся союзниками.

— Нет. Но они начинают слушать.

Раймунд оперся ладонями о каменный парапет.

— Вы думаете, я не понимаю опасности?

— Я думаю, вы все еще надеетесь, что сможете заплатить за мир только собой.

Он резко повернулся.

— Я принес покаяние перед всеми. Меня раздели до рубахи. Меня били розгами у церкви. Я позволил унижить себя, чтобы уберечь эти земли.

— И этим вы спасли их?

Граф промолчал.

— Вы спасли время, — продолжила Эсклармонда. — Но теперь время заканчивается.

— Что еще я должен был сделать?

— Не знаю.

— Тогда не судите.

— Я не сужу вас.

— Все судят.

В его голосе впервые прозвучала не усталость, а боль.

— Рим считает меня покровителем убийц. Легаты — лжецом. Мои вассалы — слабым. Северяне — еретиком. Теперь вы говорите, что я недостаточно сделал для войны.

Эсклармонда смягчилась.

— Я говорю, что война не спрашивает, достаточно ли вы сделали.

Раймунд отвернулся.

Снизу доносилась музыка. На площади играли флейта и виола. Кто-то праздновал свадьбу.

— Иногда, — сказал граф, — мне кажется, что город смеется надо мной.

— Город не знает.

— Скоро узнает.

Поздно вечером прибыл гонец.

Его конь едва держался на ногах. Животное было покрыто пеной, одна подкова потеряна. Сам всадник, молодой человек в коротком плаще, не смог самостоятельно спешиться. Стража сняла его с седла и почти внесла во дворец.

Раймунд и Эсклармонда встретили его в малом зале.

Гонец опустил на одно колено, но тут же пошатнулся.

— Сядьте, — приказал граф.

Ему дали воду. Он пил жадно, проливая на одежду.

— Откуда вы?

— Из Вьенна, господин. Потом через Оранж. Я менял коней в монастырях.

— Говорите.

Гонец вытащил из-за пазухи свернутый пергамент.

— Армия начинает покидать Лион. Все отряды. Обозы идут медленно, но к ним присоединяются новые люди. Говорят, путь держат вдоль Роны.

— Сколько их?

— Никто не знает. Одни говорят двадцать тысяч. Другие — вдвое больше. Я видел дорогу после их прохода. Она была черна от людей.

Раймунд развернул письмо.

Печать принадлежала одному из его тайных осведомителей.

Он прочел быстро, затем медленнее.

— Что там? — спросила Эсклармонда.

Граф передал ей пергамент. Сообщение было коротким.

Крестоносцы выступили единым войском. Среди баронов нет согласия, но легаты удерживают их общей целью. Симон де Монфор занимается порядком движения и снабжением. Посланники Раймунда приняты, однако поход не остановлен.

Эсклармонда подняла глаза.

— Теперь вы верите мне?

— Я верил и раньше.

— Тогда почему ничего не решено?

Раймунд подошел к карте.

На столе лежали небольшие деревянные знаки, которыми отмечали города и войска. Он взял крест, обозначавший армию, и передвинул его к югу. Дерево тихо стукнуло о стол.

— Потому что, — сказал граф, — каждый из тех, кто сегодня сидел здесь, надеется купить собственное спасение чужой гибелью.

— А вы?

Раймунд долго смотрел на карту.

— Я надеялся купить чужое спасение собственным унижением.

— И что теперь?

За окном ударил колокол. Один раз. Потом второй... Наступала ночь.

— Теперь, — произнес Раймунд, — я начинаю понимать, что они не продают мир.

Эсклармонда подошла ближе.

— Тогда нужно готовиться.

— К чему?

Она посмотрела на деревянный крест.

— К тому, что первой погибнет не армия и не графство.

— А что?

— Надежда каждого договориться отдельно.

В ту же ночь над лагерем крестоносцев горели тысячи костров.

Рона несла их отражения на юг.

Издали огни походили на длинную, дрожащую цепь, протянутую через темную землю. У одного костра рыцари говорили о спасении. У другого делили будущую добычу. В шатре легата читали письма. Симон де Монфор изучал дороги. Священники исповедовали грешников. Воры крались между обозами. Мальчишки-оруженосцы спали, положив головы на седла.

Готье лежал под полотняным навесом и не мог уснуть.

Рядом тихо сопел Мартен. За тонкой стенкой шатра ходила привязанная лошадь. Где-то далеко пели псалом, но слова уже нельзя было разобрать.

Готье думал о дороге. О мальчишке у ручья. О южанине, которого когда-то встретил на турнире. О словах отца. Он попытался представить первый город, который увидит перед собой армия. Стены. Башни. Закрытые ворота. Людей на зубцах.

И вдруг понял, что до этого дня представлял только тех, кто будет стоять снаружи.

Никогда — тех, кто окажется внутри.

Он закрыл глаза. На юге еще звонили колокола мирных городов.

На севере уже скрипели колеса осадных повозок.

Между ними оставалась дорога.

И с каждым рассветом она становилась короче.

Глава VI

Дороги войны

«Побеждает не тот, кто первым поднимает меч, а тот, кто заранее знает, где его придётся обнажить.»

Из хроники виконтов Каркассона.

Каркассон жил в тревожном ожидании.

После падения последних надежд на примирение дороги Лангедока наполнились гонцами. Каждый день к воротам прибывали всадники из Нарбонна, Безье, Фуа и Тулузы. Одни привозили слухи, другие — письма, третьи просили помощи. Но все говорили об одном.

Армия Креста собиралась.

Раймунд-Роже Транкавель молча выслушивал каждого.

Он стоял у высокого окна донжона, глядя на город, который пока ещё жил обычной жизнью. На рынке торговали вином и шерстью, кузнецы ковали подковы, дети бегали по площади. Казалось невозможным, что через несколько месяцев всё это может исчезнуть.

За его спиной стояли сенешаль Гильом, Эсклармонда и Раймон де Мирпуа.

На столе лежали десятки донесений.

Транкавель не притронулся ни к одному.

— Сколько знамен? — неожиданно спросил он.

Гильом пожал плечами.

— Одни говорят — пять тысяч рыцарей.

— Другие — семь.

— Есть и такие, кто клянётся, будто вся Франция уже идёт на юг.

Транкавель усмехнулся.

— Слухи растут быстрее армий.

Он посмотрел на Раймона.

— А ты что думаешь?

— Думаю, никто не знает правды.

— Верно.

Виконт медленно подошёл к карте Лангедока.

Положил ладонь на Лион.

— Здесь.

Именно отсюда они двинутся.

Потом палец скользнул вниз по течению Роны.

— Вьенн. Валанс. Авиньон. Безье. Каркассон.

— Все предполагают, что они пойдут этой дорогой, — сказал Гильом.

— Предполагают, — спокойно ответил Транкавель. — Но войну нельзя выигрывать предположениями.

Он повернулся к Раймону.

— Мне не нужны слухи.

Он сделал короткую паузу.

— Мне нужны дороги.

В комнате стало тихо.

— Что ты хочешь, чтобы я сделал? — спросил Раймон.

— Поезжай в Лион.

— Один?

— Возьми тех, кому доверяешь.

— С какой целью?

— Посчитать знамена. Выяснить количество обозов. Узнать, сколько пехоты. Сколько конницы. И самое главное...

Транкавель наклонился над картой.

— Определи маршрут.

Он посмотрел Раймону прямо в глаза.

— Пока они идут, у нас есть преимущество.

Когда придут — его уже не будет.

Эсclarмонда вмешалась впервые:

— Если тебя узнают...

— Тогда обратно я уже не вернусь, — спокойно ответил Раймон.

Транкавель кивнул.

— Именно поэтому я посылаю тебя.

Не самого хитрого. Не самого опытного. А самого спокойного.

Потому что разведчик погибает не тогда, когда его замечают.

А тогда, когда он начинает бояться.

...

Через три дня Раймон, Арно и старый проводник Пейре уже смотрели на лагерь крестоносцев с невысокого холма неподалёку от Лиона.

Перед ними раскинулся настоящий город из полотна, дерева и стали.

Белые шатры тянулись до самого горизонта.

Над ними развевались сотни знамен.

Красные кресты.

Чёрные львы.

Золотые лилии.

Гербы герцогов, графов, аббатов и баронов.

По лагерью непрерывно двигались обозы.

Волы тащили тяжёлые повозки с зерном.

Мулы — бочки с вином.

Кузнецы работали прямо под открытым небом.

Священники обходили ряды рыцарей, благословляя оружие.

Раймон долго молчал.

— Теперь я понимаю, — сказал он наконец.

— Что? — спросил Арно.

— Это уже не поход.

Это государство в движении.

...

— Нам нужно только посчитать знамена, — тихо напомнил Пейре.

— Нет.

Раймон продолжал смотреть на центр лагеря.

— Я хочу узнать, куда они пойдут.

Он заметил небольшой штабной шатёр под знаменем одного из северных баронов. Стража возле него была необычно малочисленной.

— Там.

Арно проследил взгляд.

— Думаешь, штаб?

— Думаю, там лежит дорога на Лангедок.

...

Ночь полностью скрыла лагерь.

Трое южан оставили лошадей в роще.

— Если через час не вернусь, — сказал Раймон, — уходите.

— Мы пойдём с тобой, — ответил Арно.

— Нет. Если меня схватят, кто-то должен рассказать Транкавелю всё, что уже увидел.

Он исчез между палатками.

Лагерь жил своей жизнью. Часовые устали. Оруженосцы спорили. Кто-то пел. Кто-то уже спал.

Раймон без труда добрался до штабного шатра.

Внутри за столом работал писарь.

Через несколько мгновений его окликнули.

Тот вышел.

Раймон скользнул внутрь.

На столе лежала огромная карта.

На ней красными линиями были нанесены будущие переходы армии.

Лион. Вьенн. Валанс. Авиньон. Безье. Каркассон.

Отдельными знаками отмечались места ночных стоянок, переправы и склады продовольствия.

Это было гораздо ценнее любого пленника.

Раймон быстро свернул карту и спрятал её под плащ.

Именно в этот момент его взгляд задержался на серебряной печати.

Четырёхлепестковая лилия.

Через её стебель проходил старинный ключ.

Тот самый знак.

Тот же, что он видел на Роне.

— Значит...

Он не успел договорить.

Снаружи раздался голос:

— Где карта?

Раймон выскочил наружу.

Часовой сразу заметил свёрнутый пергамент.

— Держите его!

Через мгновение весь лагерь пришёл в движение.

Раймон бежал между палатками, сбивая верёвки и переворачивая котлы с углями. Несколько шатров рухнули, запутав преследователей.

Позади уже слышался топот десятков ног.

Впереди темнела высокая насыпь. За ней — река.

Он не остановился. С разбега прыгнул вниз. Ледяная вода Роны сомкнулась над головой.

С берега полетели стрелы.

Но течение уже уносило его прочь.

...

Под утро трое всадников вновь встретились в условленном месте.

Арно молча развернул карту.

Пейре долго рассматривал нанесённые красным линии.

Потом тихо произнёс:

— Господи...

Они знают каждый мост.

Каждый брод.

Каждый день пути.

Раймон осторожно свернул пергамент.

— Теперь знаем и мы.

Он посмотрел на юг.

Туда, где за сотни лье отсюда поднимались стены Каркассона.

— Виконт просил дороги.

Он получит не слухи.

Он получит войну такой, какой её задумали те, кто поведёт армию Креста.

Впервые за всё время после убийства Пьера де Кастельно Раймон почувствовал, что одержал настоящую победу. Он не остановил поход, но лишил противника самого опасного преимущества — неизвестности. Теперь защитники Лангедока могли готовиться не к слухам, а к реальному маршруту наступления. Именно с этого момента Раймон перестал быть просто рыцарем-расследователем и стал человеком, способным вести разведку на уровне военных людей своего времени.

Глава VII

Долина Роны

«И прошли они по земле, как огонь пожирающий, и ничего не осталось после них».

— Из хроники неизвестного монаха

К полудню Лион исчез за спиной войска.

Сначала за пеленой дорожной пыли скрылись городские стены, затем башни соборов, а последним пропал крест над базиликой, еще долго различимый над серым изгибом реки.

Готье несколько раз оглядывался, пока впереди ехавший сержант не прикрикнул на него:

— Смотри под ноги коню, де Бове! Или закончишь поход в первой же канаве.

Мартен засмеялся.

— Тогда тебе отпустят грехи за скорость.

Готье ничего не ответил.

Дорога вдоль Роны была широкой лишь на картах. В действительности она то прижималась к реке, то уходила между виноградниками, то сужалась у каменных выступов настолько, что две повозки не могли разъехаться.

Войско растянулось на многие лье.

Впереди двигались рыцарские отряды крупных сеньоров. За ними шли сержанты, лучники, пешие паломники и слуги. Дальше тянулись обозы: телеги с зерном, бочками вина, шатрами, оружием, кузнечными мехами и мешками овса. Замыкали колонну стада коров и овец, погоняемые мальчишками с длинными прутьями.

Никто не знал точного числа людей.

Говорили о двадцати тысячах.

Другие называли пятьдесят.

Проповедники уверяли, что войско невозможно сосчитать, как звезды на небе.

Готье видел лишь бесконечные спины, копья и красные кресты на плащах.

Двигались медленно.

Стоило одной телеге сломать колесо, как останавливались сотни людей. Начинались ругань, толкотня, драки. Рыцари съезжали с дороги и пускали коней через поля, ломая виноградные лозы. Пешие растекались между ними, стараясь не попасть под копыта.

В первый день это еще казалось беспорядком, который скоро исправят.

На третий стало ясно: беспорядок и есть настоящий порядок этого похода.

Утро начиналось с колокола походного алтаря. Священники служили мессу, войско становилось на колени, затем тысячи людей одновременно пытались выйти на одну дорогу.

К вечеру они проходили меньше, чем хороший всадник мог преодолеть за несколько часов.

— Так мы доберемся до еретиков к Рождеству, — ворчал Этьен де Клермон.

Он ехал рядом, сняв шлем и привязав его к седлу. Рыжая борода покрылась пылью и казалась серой.

— Войско большое, — ответил Рено. — Его нельзя вести быстрее.

— Можно, если половину оставить позади.

— Кого именно?

Этьен обвел рукой колонну.

— Начать можно с проповедников. Они едят не меньше рыцаря, а в бою годятся только для отпевания.

Рено перекрестился.

— Когда-нибудь твои слова погубят тебя.

— Надеюсь, не раньше, чем меч.

Дорога пошла вниз, к реке.

Перед ними открылась долина Роны.

На востоке темнели предгорья Альп. На западе поднимались холмы, покрытые дубами и виноградниками. Внизу блестела река — широкая, быстрая, с островками и песчаными косами.

По берегам стояли деревни.

Когда передовые отряды приближались к ним, колокола начинали звонить.

Поначалу Готье думал, что так приветствуют воинство Христово.

Но однажды заметил, как крестьяне поспешно загоняют скот во дворы, а женщины уводят детей в дома и запирают ставни.

Колокола били не в честь крестоносцев.

Они предупреждали об опасности.

Возле одной деревни колонна остановилась.

Впереди перевернулась телега с мукой. Мешки упали в грязь, вол сломал ногу и ревел, пытаясь подняться. Возчики спорили, кому принадлежит дорога. Пехотинцы тем временем разошлись по полям.

Готье увидел, как несколько человек перелезли через низкую каменную ограду и направились к крестьянскому дому.

— Куда они? — спросил он.
Мартен проследил за его взглядом.
— За едой.
— У нас есть обоз.
— Обоз далеко. А есть хочется сейчас.
Из дома выбежал старик. Он встал перед дверью, раскинув руки.
Один из пехотинцев оттолкнул его.
Старик упал.
Готье направил коня к дому.
— Эй!
Люди обернулись.
На их плащах были пришиты кресты из красной ткани.
Один держал курицу, другой вытаскивал из сарая мешок.
— Верните.
Высокий пехотинец усмехнулся:
— Мы служим Господу, сеньор. Господь должен кормить своих воинов.
— Это не ваше.
— А чье?
Он кивнул на старика.
— Его?
Крестьянин уже поднялся. Из разбитой губы текла кровь.
— Я отдал зерно вашему обозному, — сказал он. — Две меры. Больше у меня нет.
— Значит, спрятал остальное, — ответил пехотинец.
Готье спешился.
— Положи мешок.
Улыбка исчезла с лица мужчины.
— Я не твой человек.
— Но ты в войске.
— Как и ты.
Рядом появились еще несколько солдат.
Мартен тихо выругался и тоже спешился.
— Не стоит, Готье.
— Что не стоит?
— Начинать войну до встречи с врагом.
Высокий пехотинец бросил мешок на землю.
— Забирай, святой рыцарь. Посмотрим, долго ли ты проживешь, если будешь защищать каждого незнакомца на дороге.
Он выпустил курицу, плюнул Готье под ноги и ушел.
Остальные последовали за ним.
Старик поднял мешок.
— Благодарю, господин.
— Они не вернутся?
Крестьянин посмотрел на длинную колонну, заполнившую дорогу.
— Эти — может быть, нет.
Он вытер кровь рукавом.
— Придут другие.
Готье хотел что-то сказать, но не нашел слов.
Войско снова пришло в движение.
Он вскочил в седло и догнал свой отряд.

Мартен долго молчал.

— Ты поступил правильно, — произнес он наконец.

— Почему тогда говоришь так, словно я совершил глупость?

— Потому что правильные поступки на войне чаще всего и бывают глупыми.

К вечеру они разбили лагерь возле старого монастыря.

Монахам приказали открыть амбары и предоставить хлеб, сыр и вино. Настоятель попытался возразить, но после короткого разговора с представителем легата смирился.

Воины рубили деревья для костров, не спрашивая разрешения. Лошади вытаптывали посевы. Возле колодца началась драка между бургундцами и людьми графа Неверского. Один человек получил ножом в живот.

Его отнесли к походному лекарю.

Через час он умер.

Священник отпел его как участника святого похода.

Ночью Готье не спалось.

Он вышел из шатра и направился к реке.

Рона текла во тьме, отражая редкие звезды. На противоположном берегу не было костров, и потому он казался пустынным.

Но Готье знал, что за деревьями стоят дома.

Люди там слушают шум лагеря.

Ждут рассвета.

Молятся, чтобы войско ушло дальше.

У воды сидел тот самый старый рыцарь со шрамом, с которым Готье говорил перед выступлением из Лиона.

— Снова не спишь? — спросил старик.

— Вы тоже.

— В моем возрасте сон приходит лишь тогда, когда его не зовут.

Готье сел рядом.

Некоторое время они слушали реку.

— Сегодня наши люди ограбили крестьянина.

— Только одного?

— Я видел одного.

Старик кивнул.

— Значит, день был спокойным.

Готье посмотрел на него.

— Вас это не беспокоит?

— Беспокоит.

— Тогда почему вы говорите так?

— Потому что я видел армии.

Старик взял камень и бросил его в воду.

— Армия — это голодный зверь. Можно повесить ему на шею крест, но от этого у него не исчезнут зубы.

— Мы должны защищать христиан.

— Все так говорят перед походом.

— А потом?

— Потом заканчивается хлеб.

Старик поднялся.

— Запомни, де Бове: войско движется не туда, куда указывает знамя. Оно движется туда, где есть пища.

Он ушел к лагерю.

Готье остался у реки.

На следующее утро колонна снова потянулась на юг.

Солнце поднялось быстро. Пыль висела над дорогой густым облаком. Люди кашляли, лошади тяжело дышали. Воды не хватало, и у каждого ручья возникала давка.

На перекрестке стоял каменный крест.

Под ним ждали несколько жителей ближайшего города. Впереди находился священник с серебряным распятием. Рядом — двое горожан в дорогах плащах и мальчик, державший поднос с хлебом и солью.

Когда приблизились предводители похода, священник опустился на колени.

Город соглашался предоставить продовольствие и пропустить войско через свои земли.

Взамен просил защиты от грабежей.

Посланник легата принял хлеб.

Пообещал порядок.

Через два часа часть винных погребов была опустошена.

К вечеру на дороге лежали разбитые бочки, растоптанный виноград и человек в городском платье с проломленной головой.

Никто не знал, кто его убил.

Никто не стал выяснять.

Готье ехал мимо молча.

Рено заметил тело и перекрестился.

— Может быть, он оскорбил кого-то из воинов.

— А если нет?

Рено не ответил.

Этьен, ехавший впереди, обернулся:

— Не ищи справедливости там, где собрались десятки тысяч людей. Здесь можно найти только виновного, которого удобнее всего наказать.

— Значит, наказания не будет? — спросил Готье.

— За одного горожанина?

Этьен пожал плечами.

— Мы идем спасать целую землю.

В тот вечер войско достигло места, где долина становилась шире.

С высокого берега Готье увидел колонну почти целиком.

Она тянулась вдоль реки насколько хватало глаз. Копья блестели в лучах заходящего солнца. Красные кресты покрывали дорогу, словно капли крови.

На первый взгляд это было величественное зрелище.

Огромная сила, объединенная одной верой.

Но теперь Готье видел и другое.

Разграбленные поля.

Сломанные ограды.

Пустые амбары.

Крестьян, прятавшихся в лесах.

Мертвого горожанина у дороги.

Крестовый поход еще не дошел до земель еретиков.

Еще не была осаждена ни одна крепость.

Еще ни один южный город не отказался открыть ворота.

Но долина Роны уже знала, что значит движение святого войска.

Впереди, за поворотом реки, небо окрасилось багровым.

Готье долго смотрел на него.

Ему показалось, что это горит закат.

Позже он поймет: то было лишь первое отражение пожара, который войско несло с собой на юг.

Глава VIII

Через перевалы

«Сердце царя — в руке Господа, как потоки вод: куда захочет, Он направляет его».
— Книга Притчей Соломоновых, 21:1

Они покинули Фуа до рассвета.

Небо над восточными башнями едва посерело, когда ворота поднялись и небольшой отряд выехал на дорогу, ведущую вверх по долине Арьежа. Впереди двигались двое сержантов графа, знавших каждую тропу между Фуа и пиренейскими перевалами. За ними ехала Эсклармонда. Раймон де Мирпуа и Арно держались по обе стороны от нее. Еще шестеро вооруженных всадников замыкали шествие.

Никто не говорил.

Копыта глухо стучали по влажной земле. В низинах лежал туман, и казалось, будто дорога уходила не в горы, а в серое море, за которым уже не существовало ни Лангедока, ни войска северян, ни мертвого легата на берегу Роны.

Раймон знал, что это обман.

За их спинами оставалась страна, на которую двигалась армия, собранная от Лиона до Бургундии. Впереди был король, способный если не остановить поход, то хотя бы заставить Рим задуматься о цене войны.

Педро Арагонский приходился сюзереном виконту Раймунду-Роже Транкавелю по части его владений. Он был королем, вассалом Святого престола и одним из самых могущественных государей по обе стороны Пиренеев. Именно поэтому его решение могло спасти Юг.

И именно поэтому никто не знал, какое решение он примет.

Эсклармонда достала из-под плаща кожаный футляр и проверила печати на трех письмах. Одно было от графа Фуа, второе — от Транкавеля, третье содержало обращение нескольких южных сеньоров, пока еще не решившихся выступить открыто.

— Они не исчезнут, если ты перестанешь проверять их каждый час, — заметил Арно.

— Печати могут треснуть.

— В футляре?

— В дороге случается и худшее.

Арно посмотрел на Раймона.

— Она всегда была такой?

— Какой?

— Будто судьба королевств зависит от одного плохо завязанного ремешка.

Эсклармонда не обернулась.

— Иногда так и бывает.

Дорога пошла вверх. Арьеж сузилась и теперь неслась между камней, покрытых белой пеной. Над водой поднимались лесистые склоны. Каштан и дуб постепенно уступали место соснам, а над ними уже виднелись голые серые вершины.

Раймон оглянулся.

Фуа исчез.

Остался лишь дым над дальней долиной.

— Думаешь о Валькуре? — спросила Эсклармонда.

Он не ожидал, что она заговорит первой.

— О его словах.

— Это не одно и то же?

— Я не знаю, можно ли верить человеку, который признает, что намеренно задержал нас в ночь убийства.

— Верить ему не обязательно.

— Но ты веришь.

— Я слушаю.

Раймон усмехнулся.

— Удобное различие.

— Очень полезное. Особенно среди мужчин, каждый из которых считает свою уверенность доказательством.

Арно тихо рассмеялся.

Раймон не поддержал его.

— Валькур сказал, чтобы я не искал правду среди тех, кто держал нож.

— Он прав.

— Ты говоришь так, будто знаешь больше меня.

— Я знаю только одно: смерть Пьера слишком быстро стала основанием для войны. Рим не потребовал настоящего расследования. Никто не стал ждать суда. Имя убийцы оказалось менее важным, чем имя человека, которого объявили виновным.

— Раймунда Тулузского.

— Да.

— Ты думаешь, убийство подготовили заранее?

Эсclarмонда долго не отвечала.

— Я думаю, некоторые люди были готовы воспользоваться им раньше, чем оно произошло.

Впереди сержант поднял руку.

Отряд остановился.

На дороге лежало дерево. Ствол был свежим, ветви еще держали зеленую хвою. Он перегородил узкий проход между склоном и обрывом.

Арно спешился и подошел ближе.

— Бурей не сломано.

На коре виднелись следы топора.

Раймон обнажил меч.

— Назад от дороги.

Слишком поздно.

Сверху свистнула стрела.

Она ударила в щит одного из сержантов. Лошади шарахнулись. Вторая стрела прошла над головой Эсclarмонды и исчезла среди деревьев.

— К скале! — крикнул Раймон.

Он схватил ее лошадь за повод и потянул в сторону каменного выступа. Арно уже поднимал арбалет, пытаясь разглядеть стрелков между соснами.

Еще две стрелы ударили в дорогу.

Одна задела коня. Животное взвилось, сбросив всадника, и понеслось к обрыву. Сержант успел схватиться за куст, но лошадь сорвалась вниз. Ее ржание оборвалось далеко под ними.

— Трое слева! — крикнул Арно.

Он выстрелил.

В чаще раздался короткий вскрик.

Раймон увидел движение выше по склону. Человек в сером плаще перебежал от дерева к дереву. Не разбойник. На разбойниках не было кольчужных капюшонов, и они не устраивали засаду, чтобы стрелять только по центру отряда.

— Они хотят Эсклармонду! — крикнул он.

Сквозь кусты вниз бросились вооруженные люди.

Их было шестеро или семеро.

Раймон встретил первого у края дороги. Противник ударил сверху, целясь в плечо. Раймон принял клинок на щит, шагнул вперед и вонзил меч под кольчужный рукав.

Человек упал.

Второй обошел его справа. Раймон едва успел повернуться, но сержант графа ударил нападавшего копьем в грудь.

Возле скалы Арно стрелял почти в упор. Болт пробил бедро одного из врагов. Тот закричал и покатился вниз по склону.

Эсклармонда не пыталась укрыться.

Она выхватила короткий меч из седельных ножен и перерезала повод лошади, запутавшейся между камнями. Освобожденное животное рванулось вперед и сбило человека, пытавшегося добраться до нее.

Схватка длилась меньше минуты.

Поняв, что внезапного удара не получилось, оставшиеся нападавшие отступили в лес. Арно послал им вслед последний болт, но промахнулся.

— Не преследовать! — приказал Раймон.

Он тяжело дышал. Руки дрожали не от страха, а от слишком быстро отступившего напряжения.

На дороге лежали трое нападавших. Один был мертв. Второй корчился, зажав рану на ноге. Третий, совсем молодой, пытался отползти к кустам.

Раймон перевернул его на спину.

На плаще не было герба. Оружие хорошее, сапоги дорогие. На пальце — светлая полоса от недавно снятого кольца.

— Кто вас послал?

Юноша сжал губы.

— Ответь, и получишь помощь.

— Мне уже не помочь.

Рана под ребрами действительно была смертельной.

Раймон наклонился ближе.

— Вам приказали убить послов?

Юноша посмотрел не на него, а на Эсклармонду.

— Письма.

— Что?

— Нам нужны были письма.

— Для кого?

Лицо раненого исказилось.

— Чтобы король... не услышал вас первым.

Он закашлялся. На губах выступила кровь.

— Кто должен был говорить с ним раньше?

Юноша уже не ответил.

Арно обыскал тела. Не нашел ни знаков, ни писем, ни монет необычной чеканки. Только у старшего из убитых под рубахой висел маленький свинцовый крест.

— Паломники? — спросил один из сержантов.

Арно сжал крест в ладони.

— Или хотят, чтобы мы так подумали.

Эсклармонда подошла к поваленному дереву.

— Они знали дорогу и время нашего выезда.

— Значит, кто-то видел нас в Фуа, — сказал Раймон.

— Или знал о посольстве до нашего отъезда.

Арно посмотрел на север.

— Тогда Валькур был прав. Наши враги находятся ближе, чем нам хотелось бы.

Они стащили дерево с дороги, перевязали раненого сержанта и снова двинулись вперед. Мертвых нападавших оставили возле каменного креста, чтобы их нашли монахи из ближайшего приюта.

После засады никто больше не разговаривал.

К вечеру они достигли госпиталя, принадлежавшего братьям Святого Иоанна. Низкое каменное здание стояло у подножия перевала и служило убежищем для паломников, купцов и гонцов, пересекавших горы.

Настоятель, сухой монах с обветренным лицом, впустил их после того, как увидел печать графа Фуа.

В общей зале горел очаг. На длинном столе стояли миски с чечевичной похлебкой, черный хлеб и сыр. У стены сушились плащи нескольких путешественников.

Один из них оказался купцом из Вьенна.

Узнав, что отряд прибыл из Фуа, он перекрестился.

— Вы уже слышали о войске?

— Мы знаем, что оно выступило из Лиона, — ответила Эсклармонда.

— Теперь оно ниже Валансии. Идет по обоим берегам Роны. Там столько людей, что деревни пустеют до их прихода.

— Они грабят?

Купец осторожно оглянулся на монаха.

— Они берут необходимое для святого дела.

Арно усмехнулся.

— Удобные слова.

— Я видел крестьян, прятавших детей в винных подвалах. Видел город, заплативший за безопасность дважды: сначала посланнику легата, потом солдатам, которые не знали о платеже.

— Кто возглавляет поход? — спросил Раймон.

— Аббат из Сито. Арно Амори. С ним герцоги, графы и столько рыцарей, что их невозможно запомнить. Говорят, сам французский король не пришел, но позволил своим баронам идти.

— А Симон де Монфор?

Купец задумался.

— Это имя слышал. Пока он лишь один из многих.

Раймон запомнил ответ.

Пока.

Ночью он вышел во внутренний двор. В горах поднялся ветер. С перевала тянуло снегом, хотя в долине уже стояло лето.

Эсклармонда была у конюшни. Она заново укладывала письма, проверяя, не повредились ли печати во время нападения.

— Теперь можешь сказать, что ремешок действительно спас судьбу королевств, — произнес Раймон.

Она подняла глаза.

— Ты решил шутить?

— Пытаюсь.

— Не слишком успешно.

Он сел на каменную ограду.

— Раненый сказал, что король не должен услышать нас первыми.

— Значит, к Педро уже направляется другое посольство.

— Из Рима?

— Возможно. Или от легата.

— Мы не успеем.

— Успеем.

В ее голосе не было ни тревоги, ни надежды. Только решение.

— Почему ты так уверена?

— Потому что иначе нет смысла переходить горы.

Утром начался подъем к перевалу.

Дорога превратилась в узкую каменистую тропу. Всадники спешили и вели лошадей под уздцы. Ветер бил в лицо, цеплялся за плащи. На северных склонах еще лежал грязный снег.

Около полудня они достигли высшей точки.

Позади, за серой грядой, оставался Лангедок.

Впереди лежали долины Арагона, залитые солнечным светом. Вдалеке над холмами поднимался дым поселений, а еще дальше, почти у горизонта, темнели дороги, ведущие к королевскому двору.

На южной стороне перевала их ожидал отряд арагонских рыцарей.

Вперед выехал человек лет сорока с узким загорелым лицом. На его щите чередовались красные и золотые полосы.

— Госпожа Эсклармонда?

— Да.

— Дон Санчо де Альбаррасин. Его величество король Педро велел сопровождать вас.

Эсклармонда облегченно выдохнула.

— Значит, он согласился нас принять?

— Король принимает всех, кто прибывает с миром.

Ответ был слишком осторожным.

Раймон заметил это сразу.

— Кто еще прибыл ко двору? — спросил он.

Дон Санчо посмотрел на него.

— Три дня назад приехали два прелата из Рима.

Эсклармонда и Арно переглянулись.

— Их имена? — спросила она.

— Епископ Наваррский и человек, называющий себя советником папского легата.

— Они говорили с королем?

— Вчера вечером.

Ветер с перевала ударил им в спины, словно торопил вниз.

Эсклармонда вскочила в седло.

— Тогда мы должны ехать немедленно.

Дон Санчо поднял руку, останавливая ее.

— Есть то, что вам следует знать прежде.

— Говорите.

— Его величество не желает войны между христианами. Но он также не намерен открыто выступать против Святого престола.

— Мы и не просим его выступать против Церкви.

— Рим скажет, что просите именно об этом.

Дон Санчо развернул коня.

— При дворе сейчас слишком много людей, готовых объяснить королю ваши намерения раньше, чем вы успеете сделать это сами.

Отряд начал спуск.

Раймон ехал рядом с Эсклармондой. Внизу их ждал король, от решения которого могла зависеть судьба Безье, Каркассона и всего Лангедока.

Но теперь стало ясно: они прибыли не на переговоры.

Они опоздали к началу суда, на котором обвинители уже выступили, свидетели были выбраны, а приговор, возможно, написан заранее.

Оставалось узнать, позволит ли Педро Арагонский им произнести хотя бы одно слово в защиту обреченной земли.

Глава IX

Перед королём

«Царь, сидящий на престоле суда, разгоняет очами своими всё злое».

— Книга Притчей Соломоновых, 20:8

Зной настиг их еще до полудня.

Холод пиренейских перевалов остался за спиной, и теперь дорога шла по выжженной солнцем равнине, между низкими холмами, оливковыми рощами и полями, где жатва уже подходила к концу. Воздух дрожал над землей. Пыль забивалась под плащи, скрипела на зубах и белым налетом ложилась на гривы лошадей.

Арагонские рыцари двигались быстро, почти не разговаривая. Дон Санчо де Альбаррасин держался впереди и лишь изредка оборачивался, проверяя, не отстал ли кто-нибудь из посольства.

Эсклармонда ехала рядом с ним.

— Король находится в Сарагосе? — спросила она.

— Сейчас — в одном из своих дворцов близ Уэски.

— Почему нас ведут туда?

— Его величество собирает людей и деньги для похода против мавров. При дворе находятся бароны, прелаты и посланники городов. Сарагоса стала бы слишком тесной.

— Или слишком открытой для чужих ушей?

Дон Санчо посмотрел на нее.

— При дворе короля уши есть даже у стен.

— Тогда лучше говорить правду громко.

— Иногда громкая правда губит быстрее тихой лжи.

Он произнес это без усмешки.

Раймон, ехавший позади, слышал разговор. После известия о прибытии римских прелатов тревога не оставляла его. Люди, устроившие засаду в горах, знали о письмах. Значит, противники посольства располагали сведениями из Фуа или даже из ближайшего окружения графа.

Он пытался вспомнить всех, кто присутствовал на совете.

Сеньоры.

Рыцари.

Клирики.

Слуги, подававшие вино.

Стражники у дверей.

Любой из них мог передать весть.

Любой мог быть человеком тех, кто не хотел, чтобы король услышал доводы Юга.

— Не смотри так на наших провожатых, — тихо сказал Арно. — Скоро они решат, что ты собираешься убить кого-нибудь из них.

— Я думаю.

— Опять?

— О том, кто знал о посольстве.

— Почти весь замок Фуа.

— О письмах знали немногие.

— Тот, кто устроил засаду, мог не знать, что именно мы везем. Достаточно было понимать, куда и зачем направляется Эсклармонда.

Раймон взглянул на нее.

Она сидела прямо, несмотря на усталость. Плащ был покрыт дорожной пылью, волосы скрыты под легким покрывалом. В ней не было ничего от придворной дамы, отправившейся просить милости у великого государя.

Она ехала так, словно везла королю не просьбу, а требование, которое он обязан услышать.

— Ее могли убить, — сказал Раймон.

— Могли.

— А ты говоришь об этом спокойно.

Арно поправил ремень арбалета.

— Я берегу страх для тех минут, когда он приносит пользу.

Дорога поднялась на холм.

За ним показался королевский дворец.

Он не был похож на мрачные крепости Лангедока. Светлые каменные стены окружали просторный внутренний двор. Над зубцами поднимались красно-золотые знамена Арагона. За внешней стеной виднелись крыши конюшен, часовни и жилых корпусов. У ворот толпились люди: вооруженные вассалы, монахи, купцы, гонцы, слуги и просители.

Перед посольством расчистили проход.

Стражники узнали герб дона Санчо и подняли копья.

Во дворе царил суеда.

Под навесами расседлывали лошадей. Писцы сидели за столами и записывали имена прибывших. В тени галереи спорили посланники городов. Рядом с часовней несколько доминиканцев разговаривали с рыцарями в белых плащах.

Эсклармонда остановилась.

На одном из белых плащей был нашит черный крест.

— Кто они? — спросила она.

— Люди короля, вернувшиеся с границы, — ответил дон Санчо. — Среди них есть братья военных орденов.

— А доминиканцы?

— Проповедники.

Арно тихо произнес:

— Их становится больше там, где скоро появляется войско.

Дон Санчо услышал, но сделал вид, что не заметил.

К посольству подошел королевский распорядитель — полный человек в темно-зеленом сюрко, с золотой цепью на груди.

— Госпожа Эсклармонда де Фуа?

— Да.

— Его величество извещен о вашем прибытии. Вам предоставлены покои в западном крыле. Король примет вас после вечерней молитвы.

— Мы просим принять нас раньше.

— До вечерней молитвы государь занят.

— Чем?

Распорядитель поднял брови.

— Король не обязан объяснять расписание послам.
— Нет. Но послы вправе знать, разговаривает ли он сейчас с их обвинителями.
На лице придворного ничего не изменилось.
— Римские прелаты были приняты вчера.
— И покинули дворец?
— Советник легата остается гостем его величества.
Эсклармонда посмотрела на окна главного корпуса.
За одной из резных каменных решеток мелькнула белая ряса.
— Значит, суд продолжается, — сказала она.
— Здесь нет суда.
— Тогда почему одна сторона уже выступила, а другую заставляют ждать?
Распорядитель поджал губы.
— После вечерней молитвы, госпожа.
Он поклонился и удалился.

Покои посольству отвели просторные, но почти лишенные убранства. В главной комнате стояли стол, сундуки и несколько стульев с высокими спинками. Окна выходили на внутренний сад, где журчала вода и росли апельсиновые деревья.

Слуги принесли кувшины, хлеб, жареную баранину, оливки и финики.
Арно набросился на еду.
Раймон подошел к окну.

В саду прогуливались двое клириков. Один был высоким, сутулым, в темной одежде светского каноника. Второй носил белую цистерцианскую рясу.

— Советник легата? — спросил Раймон.

Дон Санчо стоял у двери.

— Вероятно.

— Его имя?

Арагонец помедлил.

— Брат Матфей де Сен-Жиль.

Арно перестал жевать.

— Из Сен-Жиля?

— Так он называется.

— Он был в окружении Пьера де Кастельно?

— Этого я не знаю.

Раймон посмотрел на Эсклармонду.

Она уже держала в руках письмо Транкавеля.

— Надо поговорить с ним, — сказал Раймон.

— Нет, — ответила она.

— Если он знал Пьера...

— Тем более нет.

— Почему?

— Потому что до встречи с королем мы не покажем ему, что именно знаем и чего не знаем.

— Он может быть связан с убийством.

— А может хотеть, чтобы ты решил именно так.

Раймон отвернулся от окна.

— Мы не можем проходить мимо каждого следа.

— Это не расследование, Раймон. По крайней мере, не сейчас. Здесь одна неверная фраза может стоить жизни тысячам людей.

— А если он причастен?

— Тогда он останется причастным и после аудиенции.

Арно поднял кубок.

— Наконец-то разумные слова.

Раймон бросил на него недобрый взгляд.

Арно отпил вина.

— Ты хочешь правды. Она хочет спасти страну. Иногда это разные дороги.

До вечера они готовились к встрече.

Эсclarмонда заставила всех троих еще раз прочитать письма и запомнить последовательность доводов. Граф Фуа напоминал о родственных и вассальных связях с Арагоном. Транкавель клялся в верности королю и утверждал, что не защищает ересь, но не может допустить расправы над подданными без суда. Третье письмо предлагало королевское посредничество и созыв собрания южных сеньоров и церковных представителей.

— Мы не просим Педро объявить войну Риму, — сказала Эсclarмонда. — Мы просим его потребовать разбирательства.

— Арно Амори не остановит войско ради разбирательства, — заметил Арно.

— Поэтому король должен говорить не только как христианин, но и как сюзерен.

— Рим скажет, что ересь уничтожает вассальную клятву, — произнес Раймон.

— Тогда мы потребуем доказательств ереси самого Транкавеля.

— Их нет.

— Именно.

Снаружи ударил колокол.

Вечерняя молитва закончилась.

За посольством пришли почти сразу.

Их провели через галерею, украшенную резными колоннами, затем через зал, где вдоль стен стояли арагонские и каталонские рыцари. В воздухе пахло воском, горячим камнем и розмарином, которым посыпали пол.

Двери приемной распахнулись.

Король Педро II стоял у длинного стола, покрытого картами.

Он был выше, чем ожидал Раймон, и казался моложе своих лет. Темные волосы спадали до плеч. На нем не было короны — только красное сюрко с золотыми полосами и тяжелый пояс с мечом. Лицо было красивым, но усталым.

Справа от него находились двое советников и епископ.

Слева — брат Матфей де Сен-Жиль.

Белая ряса цистерцианца казалась почти серой в вечернем свете.

Король посмотрел на Эсclarмонду.

— Госпожа де Фуа. Ваш брат прислал ко мне женщину во главе посольства.

— Возможно, он решил послать того, кто будет говорить, а не мериться знатностью с вашими баронами.

В глазах Педро мелькнуло удивление.

Один из советников нахмурился.

Король улыбнулся.

— Подойдите.

Эсclarмонда положила на стол три письма.

— От графа Раймунда-Роже де Фуа, виконта Раймунда-Роже Транкавеля и сеньоров Лангедока.

Педро не коснулся свитков.

— Людей, которых Рим обвиняет в попустительстве ереси.

— Обвинение еще не делает человека виновным.

Брат Матфей заговорил мягко:

— Когда болезнь видна всему телу, не требуется долго искать рану.
Эсклармонда повернулась к нему.

— Вы были представлены, брат?

— Матфей де Сен-Жиль. Я говорю от имени папского легата.

— Какого именно? Живого или мертвого?

В зале стало тихо.

Раймон увидел, как побледнел один из советников.

Матфей не изменился в лице.

— Я говорю от имени полномочий, данных Церковью.

— Удобно. Полномочия не отвечают на вопросы.

— Довольно, — сказал король.

Он посмотрел на Эсклармонду.

— Вы прибыли просить меня остановить крестовое войско?

— Нет.

Этот ответ удивил всех.

Даже Педро.

— Тогда чего вы хотите?

— Чтобы вы не позволили уничтожить ваших вассалов под видом наказания еретиков.

— Разница невелика.

— Разница — в законе. Виконт Транкавель не отлучен. Его вина не доказана. Его земли не могут быть отданы чужеземным баронам только потому, что они пришили кресты к плащам.

Матфей сложил руки.

— Земли сохраняет тот, кто очищает их от ереси.

— А кто решает, достаточно ли крови пролито для очищения?

— Церковь.

— Церковь или люди, желающие завладеть Безье и Каркассоном?

Епископ у стола поднялся.

— Следите за словами, госпожа.

— Я и приехала затем, чтобы слова прозвучали прежде мечей.

Педро взял письмо Транкавеля, сломал печать и начал читать.

Никто не двигался.

Король читал долго. Потом положил свиток на стол.

— Транкавель клянется, что не исповедует ересь.

— Это правда.

— Но в его городах живут катары.

— В его городах живут также добрые католики, иудеи, купцы из Генуи, ремесленники из Тулузы и люди, которые вовсе не понимают споров ученых богословов. Вы предлагаете наказать всех?

— Я ничего не предлагаю.

— Пока.

Педро нахмурился.

— Вы дерзки.

— У нас мало времени для осторожности.

Король прошел к окну.

Во дворе зажигали факелы.

— Я вассал Святого престола, — сказал он. — Моя корона была принята под покровительство Рима. Я не выступлю против папы.

— Мы этого не просим.

— Но вы просите меня встать между войском Церкви и землями, объявленными зараженными ересью.

— Мы просим вас встать между войском и вашими вассалами.

Педро обернулся.

— Что вы предлагаете?

Эсclarмонда сделала шаг вперед.

— Отправьте посольство к Арно Амори. Потребуйте, чтобы Транкавелю позволили очистить свои города по каноническому суду. Предложите королевское поручительство. Пусть обвиненные предстанут перед церковным собором, а не перед армией.

Матфей покачал головой.

— Уже слишком поздно. Войско движется.

— Войска останавливаются по приказу.

— Это войско служит Богу.

— Тогда оно тем более должно повиноваться справедливости.

Брат Матфей впервые посмотрел на нее без прежнего спокойствия.

— Вы говорите так, будто убийства легата не было.

Раймон выступил вперед.

— Убийство было.

Матфей перевел взгляд на него.

— Раймон де Мирпуа.

Это не было вопросом.

Раймон почувствовал холод.

— Мы встречались?

— Нет. Но о вас говорили.

— Кто?

— Люди, оставшиеся в живых на берегу Роны.

— Тогда вы знаете, что я искал убийцу.

— И не нашли.

— Я нашел тех, кого мне позволили найти.

Матфей едва заметно улыбнулся.

— Осторожнее. Порой человек, не сумевший открыть истину, начинает выдумывать заговор.

— А порой война начинается прежде, чем истину разрешают искать.

Король поднял руку.

— Здесь не место для ваших счетов.

Он посмотрел на Раймона.

— У вас есть доказательства, что убийство легата использовали как предлог?

— Нет.

— Тогда молчите об этом, пока не появятся.

Раймон склонил голову, но взгляд не отвел.

Педро вернулся к столу.

— Я прочту письма и дам ответ утром.

— К утру войско пройдет еще несколько лье, — сказала Эсclarмонда.

— Королевские решения не принимаются потому, что посол торопит государя.

— Но иногда государства гибнут потому, что короли медлят.

Советники замерли.

Король долго смотрел на нее.

— Вы напоминаете мне вашего брата.

— Он счел бы это оскорблением.

Уголок рта Педро дрогнул.
— До утра, госпожа.
Аудиенция была окончена.
Когда они вышли в галерею, Арно выдохнул:
— Ты могла хотя бы раз не спорить с человеком, от которого зависит наша жизнь?
— Могла.
— Почему не стала?
— Потому что от него зависит не наша жизнь.
Раймон шел последним.
Перед тем как двери закрылись, он обернулся.
Брат Матфей стоял рядом с королем и что-то говорил ему тихо, почти на ухо.
И в этот миг Раймон понял, что аудиенция действительно не закончилась.
Она лишь продолжилась без них.
Ночью во дворце было тихо.
Но вскоре после полуночи Раймона разбудил едва слышный скрип двери.
Арно уже сидел на постели с кинжалом в руке.
В комнату вошел дон Санчо.
— Поднимайтесь, — прошептал он. — Не зажигайте свет.
— Что случилось? — спросил Раймон.
Араговец закрыл дверь.
— Через час брат Матфей покинет дворец. Он отправляется на север.
— К легату?
— Вероятно.
— Почему вы говорите это нам?
Дон Санчо посмотрел на закрытые ставни.
— Потому что он увозит письмо с королевской печатью.
Эсclarмонда появилась в дверях соседней комнаты.
— Какое письмо?
— Я не видел текста. Но писец, готовивший его, служит человеку, который считает войну с Лангедоком ошибкой.
— Что в нем?
— Подтверждение, что король не станет препятствовать походу, если войско не нарушит прав арагонской короны.
Арно тихо выругался.
Эсclarмонда побледнела, но голос ее остался ровным.
— Значит, Педро уже принял решение.
— Нет, — ответил дон Санчо. — Письмо еще не подписано.
— Тогда зачем Матфей уезжает?
— Чтобы увезти его сразу после утренней печати.
Раймон понял первым.
— У нас осталась одна ночь.
Дон Санчо кивнул.
За стенами дворца шумел ветер. Где-то в темноте били копытами оседланные лошади.
До рассвета посольству предстояло сделать то, чего не удалось добиться словами перед троном: заставить короля усомниться прежде, чем его осторожность станет приговором для Лангедока.

«Когда приблизишься к городу, чтобы завоевать его, предложи ему мир».

— Второзаконие, 20:10

Безье показался на рассвете.

Сначала над бледной полосой горизонта возникли башни собора Святого Назария. Они поднимались над равниной темным каменным венцом и казались отделенными от земли утренней дымкой. Потом стали видны городские стены, крыши предместий и серебристая лента Орба, огибавшая холм.

По рядам крестоносцев прошел гул.

Люди выпрямлялись в седлах, показывали вперед копьями, окликали товарищей. Те, кто до сих пор знал Безье лишь по рассказам купцов, теперь впервые видел город, чье имя уже несколько недель произносили в лагере вместе со словами «ересь», «кара» и «добыча».

Готье де Бове придержал коня.

С возвышенности было видно, как огромная армия медленно выползает на равнину. Передовые отряды уже спускались к виноградникам, но главная колонна еще тянулась далеко на север, скрываясь в облаке пыли. Над войском колыхались знамена графов Неверского, Сен-Польского, Монморанси и Бургундии. Выше остальных несли большой крест папского легата.

— Наконец-то, — выдохнул Мартен.

Его лицо осунулось за время похода. На плаще лежал толстый слой дорожной пыли, ремень щита был дважды починен сыромятной кожей.

— Ты так говоришь, будто мы уже вернулись домой, — заметил Готье.

— Мы дошли до первого города. Это уже победа.

— Город еще не сдался.

— Сдастся, когда увидит, сколько нас.

Этьен де Клермон рассмеялся.

— Люди редко становятся разумнее, увидев врага. Обычно они просто начинают бояться быстрее.

Рено ехал рядом, прижимая к груди маленькое деревянное распятие.

— Говорят, епископ Безье уже пытался убедить горожан выдать еретиков.

— И они отказались, — сказал Этьен.

— Откуда ты знаешь?

— От людей графа Неверского. В лагере знают все раньше, чем это происходит.

Гуго де Шалон, как всегда державшийся немного в стороне, посмотрел на город.

— Или говорят, будто знают.

Снизу донесся звук колокола.

Один удар.

Потом второй.

Вскоре заговорили все колокола Безье.

Но это не был торжественный звон, каким встречали королей или церковные процессии. Удары следовали быстро, почти беспорядочно, перекликаясь над стенами.

Готье уже слышал такой звон в долине Роны.

Предупреждение.

Город увидел их.

Передовые отряды остановились за пределами полета стрел. Рыцари разворачивали коней, сержанты расчищали место для шатров. Обозы направляли к реке. На сухой земле вбивали первые колья, и лагерь начал разрастаться вокруг Безье быстрее, чем можно было представить.

К полудню равнина покрылась палатками.

Кузнецы устанавливали горны. Плотники разгружали бревна и доски. Священники выбирали места для походных алтарей. Слуги вели к воде лошадей. Пехотинцы рубили виноградные лозы, чтобы расчистить площадки для костров.

Хозяев виноградников нигде не было видно.

— Они ушли в город, — сказал Готье.

— Разумно, — ответил Мартен. — В поле стены не помогут.

— А кто разрешил рубить лозы?

Мартен посмотрел на него с усталостью.

— Ты все еще спрашиваешь разрешения у тех, чью землю занимает армия?

Готье спешился и повел коня к месту, отведенному их отряду.

Неподалеку на коленях стоял человек в коричневой рясе. Он молился среди обрубленных кустов винограда, словно не замечал шума вокруг. Готье узнал пожилого рыцаря со шрамом, встреченного еще в Лионе. Теперь тот снял кольчугу и выглядел почти стариком.

— Вы видели город? — спросил Готье, приблизившись.

Рыцарь открыл глаза.

— Видел.

— Сильные стены?

— Достаточно сильные, чтобы их защитники поверили, будто могут устоять.

— А могут?

Старик поднялся, опираясь на колено.

— Стены защищают от людей. Здесь же все уверены, что идут от имени Бога.

Он посмотрел на собор, возвышавшийся над Безье.

— От такой уверенности камень не спасает.

К лагерю приближалась процессия.

Впереди несли крест. За ним ехали несколько епископов и аббатов. Среди белых цистерцианских одежд Готье увидел Арно Амори. Легат сидел на муле, прямой и неподвижный, будто жара, пыль и усталость не касались его.

Люди расступались.

Некоторые опускались на колени.

Процессия направилась к большому шатру, поставленному для совета предводителей похода.

— Сегодня отправят послов, — сказал старый рыцарь.

— В город?

— Им предложат выдать еретиков.

— А если выдадут?

Старик посмотрел на Готье так, словно тот задал детский вопрос.

— Тогда нам придется решить, зачем мы привели сюда столько людей.

Совет длился до вечера.

Слухи разносились по лагерю быстрее приказов.

Говорили, что Безье потребуют открыть ворота.

Говорили, что жители должны выдать всех известных катаров.

Говорили, что епископ Рено де Монпейру уже находится внутри и составляет список подозреваемых.

Говорили также, будто в списке двести имен.

Потом — пятьсот.

К ночи число выросло до тысячи.

— Завтра их выдадут, — уверенно сказал Рено.

Они сидели у костра. В котле кипела похлебка из ячменя и солонины.

— Почему ты так думаешь? — спросил Гуго.

— Потому что иначе погибнут все.

Этьен отрезал ножом хлеб.

— Люди редко выдают соседей, пока враг стоит за стенами.

— Но речь о еретиках.

— А если еретик — твой брат?

— Тогда долг перед Богом выше крови.

Этьен протянул ему кусок хлеба.

— Ты легко говоришь, потому что твой брат далеко.

Рено не взял хлеб.

— Я бы поступил так, как велит Церковь.

— Церковь велит многое. Но руку на дверь соседского дома кладешь ты сам.

Готье слушал их и смотрел на стены.

В сумерках там зажглись факелы. Маленькие огни двигались вдоль зубцов, останавливались у башен и ворот. Иногда слышались крики стражи.

Он пытался представить город изнутри.

Дома с закрытыми ставнями.

Переполненные церкви.

Людей, спорящих на площадях.

Католиков, живущих рядом с катарами.

Ремесленников и купцов, которые еще недавно обсуждали цены на шерсть и вино, а теперь должны были решать, кого отдать чужому войску.

— У тебя опять такое лицо, — сказал Мартен.

— Какое?

— Будто все происходящее касается лично тебя.

— А разве нет?

— Ты никого не знаешь в Безье.

— Разве это обязательно?

Мартен бросил в огонь сухую ветку.

— Иногда я тебе завидую.

— Почему?

— Ты все еще думаешь, что можешь понять войну до того, как она тебя изменит.

Наутро из лагеря вышла делегация.

Епископы в белых митрах, несколько монахов, герольд и вооруженное сопровождение направились к воротам. Впереди несли белое знамя.

Тысячи людей следили за ними.

Готье поднялся на насыпь, откуда дорога к городу была видна почти целиком. Рядом стояли Мартен, Рено и десятки других рыцарей.

Над воротами появились фигуры защитников.

Делегация остановилась перед подъемным мостом.

Герольд прокричал требование.

С такого расстояния слова было трудно разобрать, но смысл уже знали все: Безье должен выдать еретиков, открыть ворота и покориться Церкви.

Ответ последовал не сразу.

На стене началось движение. Кто-то спорил, размахивая руками. Затем вперед вышел человек в длинном темном плаще.

Его голос долетел до лагеря обрывками.

— ...не выдадим...

— ...наши сограждане...

— ...лучше погибнем...

По толпе крестоносцев прошел гневный ропот.
— Они отказались, — сказал Рено.
Этьен прищурился.
— Похоже на то.
С городской стены раздался новый крик, теперь громче. Его подхватили десятки голосов.
Готье различил последние слова:
— Скорее утонем в соленом море!
Кто-то рядом засмеялся.
— До моря отсюда далеко!
Но смех быстро заглушили оскорбления.
Пехотинцы грозили стенам кулаками. Рыцари требовали немедленного штурма. Священники пытались заставить людей замолчать, но возбуждение уже охватило лагерь.
Делегация повернула обратно.
Когда она достигла шатра легата, ударили колокола походной часовни.
Началась месса.
Арно Амори вышел к войску.
Он стоял на деревянном возвышении, и ветер шевелил складки его белой рясы. Рядом с ним находился епископ Безье, покинувший город после безуспешных переговоров.
Лицо епископа было серым.
— Жители города отвергли милость, предложенную им Церковью, — произнес легат.
Его голос разнесся над притихшими рядами.
— Им было позволено отделить верных от заблудших, невинных от виновных. Но они предпочли защищать ересь.
Рено опустился на колени.
За ним склонились другие.
Готье остался стоять.
— Ворота еще могут быть открыты, — продолжил Арно Амори. — Каждый истинный сын Церкви, находящийся внутри, должен выйти из города, пока не поздно.
Среди собравшихся возникло движение.
Герольды повторили призыв.
До вечера ворота оставались закрытыми.
Никто не вышел.
Или почти никто.
Уже в сумерках к лагерю приблизилась небольшая группа. Несколько священников, женщины с детьми, старики. Их сопровождали люди епископа. Они шли медленно, неся узлы и церковную утварь.
Солдаты смотрели на них с любопытством и презрением.
— Вот разумные, — сказал Рено.
Готье заметил девочку лет восьми. Она держалась за руку матери и все время оглядывалась на стены.
— Их мало, — произнес он.
— Остальные сделали выбор.
— Или не смогли уйти.
Рено нахмурился.
— Им дали возможность.
— Представь, что в городе остались твой отец и мать. Ты ушел бы?
Рено ничего не ответил.
Ночью со стороны Безье доносилось пение.

Сначала Готье решил, что это монахи в лагере, но звук шел из города. Колокола молчали, и потому человеческие голоса были слышны особенно ясно.

Молились в соборе.

Возможно, в церквях Святой Марии Магдалины и Святого Иуды.

Возможно, прямо на улицах.

Католики и катары, которых снаружи требовали разделить, теперь пели за одной стеной.

Готье лежал, не закрывая глаз.

Ближе к полуночи появился Мартен.

— Завтра готовят осадные работы, — сказал он. — Плотникам приказано собирать метательные машины.

— Значит, будет штурм?

— Не сразу. Говорят, город попробуют вынудить к покорности.

— Как?

— Отрежут дороги, воду, разорят предместья.

Готье сел.

— Сколько это продлится?

— Дни. Может, недели.

Снаружи раздалась пьяная песня.

Мартен помолчал.

— Хотя в этом войске никто не умеет ждать.

На рассвете Готье отправили в дозор к западной стороне лагеря.

Там стены подходили ближе к реке. У подножия холма тянулись сады, огороды и заброшенные дома предместья. Жители успели уйти, но двери некоторых домов оставались открытыми, словно хозяева собирались вернуться к вечеру.

Крестоносцы уже разбирали крыши на дрова.

Возле колодца Готье увидел нескольких оборванных людей без оружия. Они не принадлежали ни к одному рыцарскому отряду и следовали за армией ради поживы. Один вытаскивал из дома сундук. Другой нес медный котел.

— Оставьте, — приказал Готье.

Люди остановились.

— Почему? — спросил старший, одноглазый мужчина с веревкой вместо пояса. — Город отказался сдаться.

— Город за стеной. Этот дом пуст.

— Тем лучше.

— Положи сундук.

Одноглазый рассмеялся.

— Вчера легат сказал, что они защищают ересь. Значит, все здесь проклято.

— Тогда зачем берешь проклятый сундук?

Улыбка исчезла.

Мужчина поставил добычу на землю, но уходить не спешил.

— Скоро таких, как я, будут тысячи, господин рыцарь. Всем прикажешь вернуть?

Готье смотрел на него молча.

Одноглазый сплюнул и увел своих людей.

Из-за стены раздался звук рога.

В ответ затрубили в лагере.

На башнях появились вооруженные горожане. Они натягивали арбалеты, укрепляли деревянные щиты, подносили к зубцам корзины с камнями.

С равнины им отвечало бесчисленное войско.

Между стеной и лагерем лежали лишь виноградники, сады и несколько сотен шагов сухой земли.

Но Готье казалось, что здесь пролегает пропасть.

По одну сторону стояли люди, уверенные, что защищают свои дома.

По другую — люди, уверенные, что исполняют волю Бога.

И ни тем, ни другим уже не требовалась правда.

Когда солнце поднялось над собором Святого Назария, ворота Безье оставались закрытыми.

На них не было ни трещины.

Под стенами еще не лежало ни одного убитого.

Осадные машины только начинали собирать.

Но Готье, глядя на нетерпеливую толпу у предместий, впервые почувствовал: город может погибнуть не потому, что его стены окажутся слабыми.

Он погибнет потому, что слишком многие снаружи ждут момента, когда им разрешат перестать быть людьми.

Глава XI

Первый пролом

«Горе тем, которые зло называют добром, и добро — злом, тьму почитают светом, и свет — тьмою».

— Книга пророка Исаии, 5:20

Ночь перед осадой была необычайно тихой.

Даже в огромном лагере крестоносцев, раскинувшемся вокруг Безье, голоса звучали приглушённо. Люди устали после долгого перехода. У костров ещё спорили оруженосцы, догорали последние поленья, но постепенно лагерь погружался в сон.

По другую сторону стен город тоже не спал.

На башнях горели дозорные огни. Безье ожидал удара, хотя никто ещё не знал, наступит ли он утром или через несколько дней.

Раймон стоял на городской стене возле северных ворот.

Рядом дежурили трое ополченцев.

— Всё спокойно, — сказал один из них.

Раймон не ответил.

Он уже давно научился не доверять слову «спокойно».

Особенно перед войной.

Ветер доносил запах дыма из лагеря крестоносцев. Внизу, у подножия стены, серебрилась река Орб.

Вдруг ему показалось, что внизу мелькнула тень.

Слишком быстрая.

Слишком уверенная.

Он прищурился.

Тень исчезла.

— Кто сегодня открывал калитку к реке? — неожиданно спросил он.

— Никто, господин.

— А кто должен был?

— Ключ только у начальника стражи.

Раймон молча кивнул.

Через несколько мгновений тень появилась снова.

Теперь уже у самой стены.
Человек двигался так, словно прекрасно знал расположение каждой башни.
Он ни разу не посмотрел вверх.
Будто был уверен, что его никто не заметит.
— За мной, — коротко бросил Раймон.
Он не стал поднимать тревогу.
Если это разведчик, крик только спугнёт его.
Они быстро спустились по узкой лестнице внутрь башни.
Нижняя калитка оказалась закрыта.
Но рядом находилась ещё одна дверь.
Старая.
Ведущая на колокольню церкви Святой Магдалины.
Раймон вспомнил слова настоятеля.
Колокольня соединялась со стеной старым переходом, которым давно почти не пользовались.
Он понял.
— Наверх!
...
Лестница была узкой и крутой.
Каменные ступени истёрлись за долгие годы.
Сверху доносились едва слышные шаги.
Кто-то уже был там.
Раймон выхватил меч.
Когда он поднялся на площадку колокольни, увидел человека в тёмном плаще.
Тот стоял возле огромного колокола.
В руках блеснул короткий кинжал.
Лицо скрывал капюшон.
Но когда незнакомец обернулся, лунный свет коснулся его щеки.
Через всё лицо проходил длинный белый шрам.
Человек со шрамом.
Он узнал Раймона сразу.
— Опять ты.
— На этот раз не уйдёшь.
Незнакомец лишь усмехнулся.
— Город всё равно погибнет.
Он бросился вперёд.
Первый удар был стремительным.
Клинки столкнулись так громко, что звон эхом прокатился под сводами башни.
Места почти не оставалось.
Поединок шёл вокруг огромного колокола.
Каждый неверный шаг грозил падением с узкой площадки.
Человек со шрамом дрался необычно.
Он постоянно отступал, заставляя Раймона двигаться за собой.
Словно хотел выиграть время.
— Кто тебя послал? — крикнул Раймон.
Ответом стал новый удар.
Сталь скользнула совсем рядом с лицом.
Раймон отбил клинок и попытался прижать противника к стене.
Тот неожиданно отпрыгнул.

И ударил ногой по деревянной балке, удерживавшей язык колокола.
Балка треснула.
Тяжёлый железный язык сорвался и с глухим ударом врезался в бронзу.
Колокол загудел низко, протяжно. Один удар. Потом второй. Потом третий.
Башня задрожала.
Звук разнёсся по всему Безье.
Внизу начали открываться окна.
Залаляли собаки.
На стенах закричали дозорные.
Через мгновение ответили другие колокола.
Словно весь город одновременно проснулся.
— Тревога!
— К оружию!
— Северяне!
По улицам уже бежали вооружённые горожане.
Человек со шрамом тихо рассмеялся.
— Теперь ты сам поднял город.
— Лучше колокола, чем открытые ворота!
Раймон атаковал. На этот раз решительно.
Серия быстрых ударов заставила противника впервые перейти к защите.
Клинки высекали искры.
В тесной колокольне становилось трудно дышать.
Наконец Раймон нашёл мгновение.
Он резко ударил гардой в плечо противника.
Тот потерял равновесие, пошатнулся, и рухнул на деревянные перила.
Старое дерево затрещало.
Ещё миг — и человек со шрамом полетел вниз.
Но в последний момент он ухватился за толстый канат, свисавший от колокола.
Одним движением соскользнул по нему на нижний ярус башни.
— Стой!
Раймон бросился следом. Слишком поздно. Внизу уже слышался топот людей.
Дверь распахнулась. В башню ворвались вооружённые горожане.
Когда они добежали до выхода, диверсант исчез.
Только распахнутая калитка у стены покачивалась на ветру.
...
Начальник городской стражи внимательно осматривал место.
— Он хотел открыть ворота?
Раймон покачал головой.
— Нет.
— Тогда зачем полез сюда?
Раймон посмотрел на колокол.
Железный язык ещё медленно покачивался.
— Думаю, он хотел, чтобы тревога прозвучала слишком поздно.
Начальник не понял.
— А получилось наоборот.
— Именно.
Если бы он открыл ворота незаметно, северяне оказались бы в городе прежде, чем люди проснулись.
Теперь же весь Безье уже стоял на стенах.

Издали, из лагеря крестоносцев, доносился тревожный гул.

Там тоже слышали ночной набат. Кто-то решил, что город готовится к вылазке. По всему лагерю зажигались факелы. Человек со шрамом снова ушёл.

Но этой ночью он не выполнил своего поручения.

...

Утро началось с драки у реки.

Несколько пехотинцев из отряда графа Неверского столкнулись с горожанами, вышедшими за стены к Орбу. Одни говорили, что жители хотели набрать воды. Другие уверяли, будто они пытались поджечь осадные припасы. К полудню в лагере уже рассказывали, что еретики напали на часовых, убили трех крестоносцев и надругались над крестом.

На самом деле погиб один человек.

Он лежал у берега лицом вниз, и вода шевелила полы его серого плаща.

Никто не знал, был ли он солдатом или жителем Безье.

Готье увидел тело, когда их отряд отправили к западным предместьям. Солнце еще не поднялось высоко, но жара уже стояла тяжелая. Над лагерем висели дым, пыль и запах навоза. Молотки плотников стучали с ночи: собирались щиты для пехоты, лестницы и деревянные навесы, под которыми люди должны были приблизиться к стенам.

— Сегодня штурм не будет, — сказал Мартен.

— Откуда знаешь?

— Все говорят.

Этьен, ехавший впереди, обернулся:

— В таком случае штурм начнется до обеда.

Мартен усмехнулся.

— Почему?

— Потому что армии никогда не делают того, что говорят все.

У подножия холма уже собралась толпа.

Это были не рыцари и не обученные сержанты. Бродяги, слуги, наемники без хозяев, паломники, пришедшие ради отпущения грехов, и люди, следовавшие за войском ради добычи. Некоторые держали дубины, охотничьи копья и топоры. Другие были вооружены только ножами.

Они смотрели на стены Безье.

Сверху за ними наблюдали горожане.

Между двумя толпами летели оскорбления.

— Поклонники дьявола! — кричали из предместья.

— Франкские псы! — отвечали со стены.

Кто-то из защитников поднял над зубцами старый сапог.

Снизу раздался хохот.

Потом со стены полетел камень.

Он упал далеко от толпы, никого не задев, но смех прекратился.

— Отведите людей назад! — крикнул рыцарь из свиты графа Неверского. — Без приказа к стенам не приближаться!

Его никто не слушал.

Готье осмотрел укрепления. В этом месте стена казалась ниже, чем у главных ворот. Перед ней лежал сухой ров, заросший кустарником. Дальше начинались сады и виноградники, изрубленные крестоносцами на колья и дрова.

На башне показался арбалетчик.

— Щиты! — крикнул кто-то.

Болт свистнул над головами и вонзился в землю.

Толпа отступила.

Несколько человек засмеялись, пытаясь скрыть испуг.

Среди них Готье заметил одноглазого бродягу, которому вчера приказал вернуть сундук. Теперь на мужчине была кожаная безрукавка, а в руке он держал короткое копьё.

— Ты снова здесь, господин рыцарь, — сказал одноглазый. — Все еще охраняешь имущество еретиков?

— Уходи от стены.

— Почему?

— Потому что будет приказ.

— Мы уже получили приказ.

Готье нахмурился.

— От кого?

Одноглазый указал копьем в сторону собора.

— От Бога.

Вокруг засмеялись.

Рыцарь графа Неверского подъехал ближе и ударил одного из бродяг древком копья.

— Назад, падаль!

Человек упал.

В этот момент со стены бросили второй камень.

Он был тяжелее первого.

Камень ударил рыцарского коня в шею. Животное взвилось, захрипело и рухнуло на бок, придавив всаднику ногу.

Толпа замерла.

Рыцарь закричал.

Еще один болт прилетел со стены и ударил в щит стоявшего рядом сержанта.

Кто-то в предместье закричал:

— Они убили сеньора!

Это было неправдой.

Рыцарь был жив.

Но правда уже никому не требовалась.

Толпа рванулась вперед.

Сначала побежали несколько десятков людей. Потом за ними двинулись остальные. Они перескочили через низкие ограды, спустились в сухой ров и полезли к стене.

— Стоять! — крикнул Готье.

Его голос исчез в общем реве.

— Назад! Приказа не было!

Мартен схватил его коня под уздцы.

— Не суйся туда!

— Их перебьют.

— Значит, сами виноваты.

Со стены ударили арбалеты.

Первые нападавшие падали в ров, но задние толкали их вперед. Люди карабкались по склону, цепляясь за корни и выступы камня. Кто-то принес лестницу, предназначенную для будущих осадных работ. Ее подняли десятки рук.

Колокола Безье загремели.

Теперь они били не тревогу.

Они звали к бою.

На стене появились новые защитники. Женщины подносили камни в корзинах. Мальчишки несли кувшины с водой. Мужчины опрокидывали вниз бревна и лили на нападавших нечистоты из бочек.

— Они сумасшедшие, — прошептал Рено.

— Кто именно? — спросил Этьен.

Рено не ответил.

Один из начальников крестоносцев скакал вдоль рядов, требуя остановить самовольный приступ. За ним трубил герольд.

Но звук трубы только усилил возбуждение.

В лагере решили, что это сигнал к штурму.

Из палаток выбегали вооруженные люди. Пехотные отряды хватали щиты и копья. Сержанты строили их на ходу, не понимая, кто отдал приказ. Над головами поднимались знамена.

Через несколько минут то, что началось как стычка оборванцев с городской стражей, превратилось в настоящее наступление.

— Седлать строй! — крикнул командир Готье.

— Но ворота закрыты! — ответил кто-то.

— Значит, будем ждать, пока их откроют.

— Кто?

Командир указал на толпу у стены.

— Те, кого мы называли падалью.

Готье почувствовал, как холод проходит по спине, несмотря на жару.

К первой лестнице присоединили вторую. Их поставили рядом, и люди полезли вверх. Защитники сбрасывали нападавших, но новые занимали их место.

Одноглазый был среди первых.

Готье видел, как он поднялся почти до зубцов, получил удар копьем в плечо и повис на одной руке. Человек под ним подтолкнул его вверх. Одноглазый ухватился за край стены, ударил ножом и исчез за парапетом.

Над башней поднялся крик.

Крестоносцы взревели.

— Они взошли на стену!

Пехота двинулась вперед.

Теперь остановить ее было невозможно.

Готье и его товарищи оказались внутри плотного потока людей. Лошади нервничали, прижимали уши. Со всех сторон толкались щиты, копья, знамена. Кто-то молился. Кто-то смеялся. Кто-то уже спорил, кому достанутся дома у ворот.

— Держитесь вместе! — крикнул Этьен.

Их отряд пошел к южным воротам, где другие группы пытались подкатить тяжелое бревно. Горожане стреляли сверху, но слишком многие защитники были отвлечены боем у западной стены.

Готье увидел мертвого мальчика.

Тот лежал в пыли возле дороги, сжав в руке пращу. На нем не было доспехов. Даже обуви не было.

— Не смотри, — сказал Мартен.

— Почему?

— Потому что через несколько минут таких будет слишком много.

Ворота содрогнулись от первого удара бревна.

Дубовые створки были обиты железом, но запор внутри явно не предназначался для настоящей осады. Защитники рассчитывали, что армия начнет строить машины, вести переговоры и готовиться к долгой блокаде.

Никто не ожидал, что тысячи людей бросятся вперед без команды, осадного плана и страха.

Второй удар.

Со стены лили кипяток. Один из пехотинцев упал, закрывая лицо руками. Его крики потонули в грохоте.

Третий удар.

Из лагеря донеслись трубы.

Теперь это был настоящий сигнал.

Предводители похода поняли, что либо должны остановить наступление силой, либо возглавить его.

Они выбрали второе.

К воротам двинулись организованные отряды. Щитonosцы закрыли людей с бревном. Арбалетчики открыли огонь по зубцам. Рыцари спешили и строились за пехотой.

Рядом с Готье появился старый рыцарь со шрамом.

Он был в кольчуге, но без шлема.

— Вы говорили, что штурма не будет, — сказал Готье.

— Я этого не говорил.

— Тогда кто приказал?

Старик посмотрел на ворота.

— Никто.

— Но армия идет вперед.

— Именно поэтому она опаснее любого приказа.

Четвертый удар расколол одну из внутренних перекладин.

Из-за ворот раздались крики.

Горожане пытались укрепить створки телегами, бочками, камнями. Через щель просунулось копьё и ранило одного из нападавших. Тот упал, но его место занял другой.

Пятый удар.

Дерево затрещало.

Готье почувствовал, что еще может отойти.

До ворот оставалось несколько десятков шагов. Позади находился лагерь, шатер, лошадь, дорога на север. Он мог сказать, что потерял отряд в давке. Мог не войти в город.

Но рядом стояли Мартен, Рено, Этьен и Гуго.

Они смотрели вперед.

— Помни слова отца, — неожиданно сказал Гуго.

Готье повернулся к нему.

— Что?

— Ты рассказывал их в Лионе. О том, что Бог не радуется смерти человека.

— Я помню.

Гуго опустил забрало.

— Тогда постарайся помнить и после того, как ворота откроются.

Шестой удар.

Одна створка подалась внутрь.

Щель стала шире. Из нее показалось лицо защитника — испуганное, молодое. Арбалетный болт ударил его в горло.

Нападавшие закричали от восторга.

Еще удар.

Запор сломался.

Ворота распахнулись не сразу. За ними стояли телеги и люди, пытавшиеся удержать проход. Но давление снаружи было слишком сильным. Крестоносцы навалились на створки, расталкивая завал.

Внутри города звонили колокола.

На узкой улице за воротами собрались защитники: ремесленники с копьями, городские стражники, мужчины в кожаных куртках. Среди них Готье видел священника с поднятым крестом.

Он что-то кричал.

Возможно, призывал к миру.

Возможно, благословлял защитников.

Никто не слышал.

Последняя телега перевернулась.

Проход открылся.

Толпа хлынула в город.

Готье оказался внутри потока, который нес его вперед. Люди падали под ноги. Щиты сталкивались. Копья ломались о каменные стены домов. Над улицей летели черепица, камни и стрелы.

Рядом рухнул Рено.

Готье схватил его за перевязь и поднял прежде, чем задние ряды успели пройти по нему.

— Жив?

— Да.

Они прижались к стене.

Впереди Этьен отбил удар городского ополченца, но не добил его. Толкнул щитом в дверной проем и крикнул:

— Уходи!

Мужчина исчез в доме.

Мартен увидел это.

— Ты отпустил его?

— Он потерял оружие.

— Он враг.

— Был врагом, пока держал меч.

С улицы донесся женский крик.

Потом еще один.

Готье посмотрел вперед и понял, что сопротивление у ворот уже сломлено. Защитники отступали к центру города, а крестоносцы растекались по переулкам.

Одни преследовали вооруженных.

Другие выбивали двери.

Третьи уже тащили из домов сундуки, ткани и кувшины.

Одноглазый бродяга стоял на пороге богатого дома. Кровь текла по его руке, но он смеялся. В другой руке держал серебряную чашу.

Он увидел Готье.

— Теперь все наше, господин рыцарь!

— Еще нет приказа на грабеж!

Одноглазый поднял чашу.

— Ворота и есть приказ.

В глубине улицы вспыхнул первый дом.

Никто не знал, кто поджег его — крестоносцы или отступавшие горожане. Огонь быстро поднялся по деревянной галерее и перекинулся на крышу.

Ветер понес искры к соседним зданиям.

Над Безье поднялся черный дым.

Готье стоял среди криков, звона оружия и колокольного гула.

Еще утром город был цел.

Его стены не были разрушены.

Осадные машины не сделали ни одного выстрела.
Ни один военачальник не отдавал приказа о всеобщем приступе.
Но ворота оказались открыты, и внутрь вошло войско, которое слишком долго убеждали, что за этими стенами нет невинных.
Готье обнажил меч.
Не для того, чтобы убивать.
Он еще верил, что сможет защитить хотя бы одного человека.
Но улица впереди уже наполнялась дымом, и среди тысяч вооруженных людей это решение казалось меньше искры, падающей в пожар.

Глава XII Церковь Святой Магдалины

«Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут».
— Евангелие от Матфея, 5:7

Колокола били без остановки.
Их гул падал с башен, отражался от каменных стен, дробился в узких улицах и смешивался с криками людей. Казалось, сам город пытался перекричать тех, кто ворвался в него через распахнутые ворота.

Готье уже не понимал, где находятся его товарищи.

Мартен исчез в давке у ворот. Этьен ушел вперед вместе с группой рыцарей. Рено, которого Готье успел поднять с земли, снова пропал среди щитов и копий. Только Гуго де Шалон еще держался рядом, прикрывая левый бок круглым щитом.

Они двигались против потока.

Все остальные шли к центру Безье, туда, где возвышались собор Святого Назария и церковь Святой Магдалины. Готье пытался выбраться на боковую улицу, но каждый переулок был заполнен бегущими людьми.

Одни спасались.

Другие преследовали.

Третьи уже тащили добычу.

Мимо них пробежал пехотинец с охапкой дорогой ткани. Следом другой нес бронзовый светильник. У дверей винной лавки несколько человек выбивали бочонок, не обращая внимания на лежавшего рядом хозяина.

— Они забыли, зачем пришли, — сказал Гуго.

— Они никогда этого не знали.

Готье увидел женщину.

Она стояла у стены, прижимая к себе двух детей. Старшему мальчику было лет десять, младшая девочка не могла быть старше пяти. Женщина не бежала. Она смотрела на улицу так, будто уже поняла: куда бы ни повернула, везде окажутся вооруженные люди.

Перед ней остановился крестоносец в кольчужном капюшоне.

— Кто вы? — крикнул он.

Женщина не ответила.

— Еретики?

Она покачала головой.

— Католики, господин. Мы из прихода Святой Магдалины.

— Докажи.

— Как?

Крестоносец схватил мальчика за плечо.

Женщина закричала и попыталась оттолкнуть его.

Готье оказался рядом раньше, чем успел подумать.

— Отпусти ребенка.

Крестоносец обернулся.

На его плаще был красный крест. Лицо залито потом, глаза расширены от возбуждения.

— Они лгут.

— Ты не знаешь.

— Здесь все лгут.

— Отпусти.

Человек усмехнулся.

— Ты защищаешь еретиков?

Готье положил ладонь на рукоять меча.

— Я защищаю безоружных.

Несколько мгновений они смотрели друг на друга.

Потом Гуго шагнул ближе.

— Он сказал отпустить.

Крестоносец оценил их доспехи, гербы на щитах и нехотя разжал пальцы.

— Забирайте. Но когда легат спросит, почему вы оставили в живых врагов Церкви, отвечать будете сами.

Он ушел, толкнув плечом женщину.

Мальчик всхлипывал, но не плакал.

— Как вас зовут? — спросил Готье.

— Беатриса. Это Пьер и Мари.

— Где ваш муж?

Женщина посмотрела на тело возле лавки.

Готье проследил за ее взглядом.

— Вам надо уйти с улицы.

— Куда?

— В церковь.

— Там уже все.

— Тем лучше. Среди людей будет безопаснее.

Беатриса горько рассмеялась.

— Вы действительно верите в это, господин?

Он не ответил.

Гуго указал мечом вперед.

— Церковь Святой Магдалины в двух улицах отсюда. Я видел колокольню, когда мы входили.

Они повели женщину и детей через переулок.

В домах хлопали двери. Из окон кричали. Где-то наверху упала черепица и разбилась рядом с ними. Дым становился гуще, хотя огонь пока горел лишь в нескольких местах.

На перекрестке им преградили дорогу четверо пехотинцев.

Один держал окровавленный топор. Другой нес серебряный крест, вырванный, вероятно, из часовни.

— Куда ведете? — спросил человек с топором.

— В церковь, — ответил Готье.

— Кто они?

— Католики.

— Все теперь католики.

Беатриса прижала детей к себе.

Готье поднял щит.

— Отойдите.

— У нас приказ не выпускать жителей.

— Я их не выпускаю.

— Тогда оставь нам.

Гуго тихо произнес:

— Уходите, пока можете.

Человек с топором шагнул вперед.

— Ты мне угрожаешь?

— Предупреждаю.

Пехотинец бросился внезапно.

Он ударил сверху, целясь Гуго в голову. Гуго принял удар на щит и отбросил нападавшего назад. Второй пехотинец рванулся к Беатрисе.

Готье выхватил меч.

Он не хотел убивать.

Ударил плашмя по руке, выбивая оружие. Но человек не отступил. Он схватил Готье за плащ и попытался ударить ножом под кольчугу.

Готье повернул клинок.

Меч вошел между ребрами.

Тело обмякло сразу.

Готье почувствовал тяжесть чужого веса, потом человек сполз на землю, оставив на сюрко темный след.

Двое оставшихся остановились.

Гуго поднял меч.

— Еще кто-нибудь?

Они отступили.

Человек с топором, прижимая поврежденную руку, смотрел на Готье с ненавистью.

— Ты убил крестоносца.

Готье посмотрел на лежавшего у ног.

На плаще мертвеца был тот же крест, что и на его собственном.

— Он пытался убить женщину.

— Он исполнял волю Бога.

— Тогда Бог выбрал странного посланника.

Пехотинец плюнул на землю.

— Тебя повесят.

— Возможно.

Гуго подтолкнул Готье к переулку.

— Идем.

Беатриса ничего не сказала. Только смотрела на окровавленный меч.

Готье вытер клинок о плащ мертвеца и вложил в ножны.

Его пальцы дрожали.

— Он был первым? — спросил Гуго, когда они свернули за угол.

— Да.

— Враг?

— Нет.

— Тогда запомни это.

— Зачем?

— Чтобы потом не убедить себя, будто все было проще.

Церковь Святой Магдалины стояла на небольшой площади.

Перед входом собралась толпа. Люди стучали в закрытые двери, умоляя впустить их. Среди них были женщины, старики, городские ополченцы без оружия, несколько монахов и раненые.

На ступенях лежал человек с арбалетным болтом в спине.

Изнутри кричали, что места больше нет.

— Откройте! — кричала пожилая женщина. — Ради Христа!

— Они идут сюда! — отвечал кто-то.

Готье поднялся на ступени и ударил рукоятью меча в дверь.

— Открывайте! Здесь дети!

Засов не двигался.

Гуго подошел ближе.

— Скажите, что мы рыцари крестоносного войска.

— Тогда они тем более не откроют.

За площадью раздался рев.

Из соседней улицы показались первые вооруженные люди. Они двигались быстро, врывались в дома и вытаскивали тех, кто пытался спрятаться.

Толпа у церкви запаниковала.

Все навалились на двери.

— Открывайте! — закричал Готье. — Иначе вас перебыют снаружи!

Засов скрипнул.

Дверь приоткрылась.

Люди рванулись внутрь, сбивая друг друга. Готье прижал створку плечом, не давая ей закрыться, и пропустил Беатрису с детьми.

— Быстрее!

Гуго вошел последним.

Внутри было темно и душно.

Церковь оказалась переполнена. Люди стояли в проходах, сидели на полу, жались к колоннам. У алтаря священник в белой ризе читал молитву, но его голос почти не был слышен.

Пахло воском, потом, кровью и дымом.

— Закрывайте! — кричали из толпы.

Несколько мужчин задвинули тяжелый засов.

Готье огляделся.

Над алтарем висело большое распятие. По бокам горели свечи. Под каменными сводами еще сохранялась торжественная прохлада, но страх уже наполнял церковь сильнее ладана.

— Кто здесь старший? — спросил Гуго.

К ним подошел полный священник с растрепанными седыми волосами.

— Я настоятель Гийом.

— Есть другой выход?

— Дверь в ризницу. За ней двор и узкий проход к дому каноника.

— Сколько там людей сможет пройти?

— По одному.

— Начинайте выводить женщин и детей.

Священник посмотрел на двери.

— Куда?

— К северной стене. Там еще нет пожаров.

— Там солдаты.

— Здесь они тоже скоро будут.

Гийом покачал головой.

— Если мы откроем заднюю дверь, начнется давка.

— Если не откроете, начнется резня.
Священник закрыл глаза.
— Господи, помилуй нас.
— Он помилует позже. Сейчас решайте вы.
Гийом вздрогнул от этих слов, но кивнул.
Он позвал двух служек и направился к алтарю.
Готье увидел, что Беатриса сидит у колонны. Пьер держал сестру за руку. Девочка смотрела на распятие.
— Мы выйдем отсюда? — спросила она.
Готье опустил перед ней на колено.
— Да.
— Ты обещаешь?
Он хотел ответить.
Но не смог.
— Я постараюсь.
Девочка подумала и кивнула, словно это было честнее обещания.
Снаружи ударили в дверь.
Люди закричали.
Второй удар заставил засов содрогнуться.
— Открывайте именем Церкви! — донеслось с площади.
Настоятель Гийом остановился.
— Это могут быть люди легата.
— Люди легата не стали бы рубить дверь церкви, — сказал Гуго.
— Они не знают, кто внутри.
— Именно поэтому и рубят.
Третий удар.
Посыпалась каменная пыль.
Мужчины внутри подтащили к дверям скамьи. Кто-то нашел бревно и упер его в створки.
У алтаря открыли дверь в ризницу.
Толпа заметила движение.
— Выход! — закричала женщина.
Все рванулись туда.
Началась давка.
Люди падали, кричали, цеплялись друг за друга. Монах пытался остановить их поднятым крестом, но его сбили с ног.
— Назад! — крикнул Готье. — Сначала дети!
Никто не слушал.
Он поднялся на основание колонны и обнажил меч.
— Назад!
Блеск клинка подействовал сильнее слов.
Толпа замерла.
— Каждый, кто бросится к двери, закроет выход всем остальным! Сначала дети и раненые. Потом женщины. Мужчины останутся у входа.
— Ты один из них! — крикнул кто-то. — На тебе крест!
По людям прошел испуганный гул.
Готье посмотрел на красный знак, нашитый на плащ.
— Да. Я пришел с этим войском.
— Тогда зачем помогаешь нам?
— Потому что пока еще помню, кто я.

За дверью ударили снова.

Дерево треснуло.

Гуго схватил Готье за плечо.

— Их много.

— Сколько продержимся?

— Недолго.

К выходу из ризницы уже повели детей. Пьер нес Мари на руках. Беатриса шла следом.

Перед тем как скрыться за алтарем, она обернулась.

Готье увидел в ее взгляде благодарность и страх.

Потом дверь поглотила их.

Главный вход содрогнулся.

Через щель показалось лезвие топора.

Кто-то снаружи кричал:

— Еретики прячутся в церкви!

— Здесь католики! — ответил настоятель Гийом.

— Тогда откройте!

— Мы откроем только епископу!

С площади раздался смех.

— Епископ уже покинул вас!

Удар.

Засов начал выходить из крепления.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.